

дамский детектив

Галина
[РОМАНОВА]

МИЛЛИОНЕРША
ПОНЕВОЛЕ

Галина Владимировна Романова

Миллионерша поневоле

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167393
Миллионерша поневоле: Эксмо-Пресс; М.: 2007
ISBN 978-5-699-22438-8*

Аннотация

Столько неприятностей сразу еще не обрушивалось на хрупкие плечи Ольги Шустиковой. Муж Влад, которого она несколько лет назад успела оплакать как погибшего, странным образом материализовался... в образе ее нового начальника – под другой фамилией, с новой женой. Его появление могло значить только одно – Влад замыслил новую подлость, очередной грандиозный обман.

В эти же дни пропала Ольгина лучшая подруга Ксюша, беспутный супруг которой был найден с проломленным черепом и пистолетом в руке. И самое загадочное во всей истории то, что именно из этого пистолета недавно убили бизнесмена, почему-то застраховавшего свою жизнь в пользу Ольги!..

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	37
Глава 4	70
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Галина Романова

Миллионерша поневоле

Глава 1

Странным казалось все. И то, что дверь гостиничного номера была не заперта. И то, что сам номер оказался необитаемым. Так же не должно быть!!! Неужели она ошиблась этажами?! Нет, это точно четвертый! Кнопка лифта была тому свидетельством. Точно – четвертый этаж, а на двери комнаты красовалось число «сто тридцать четыре». Именно сюда ей надлежало попасть, чтобы опередить того, кто сейчас должен подниматься в кабине лифта, которую она только что покинула.

Она потеряла четыре минуты. На то, чтобы запереться изнутри и осмотреться. Целых четыре минуты! Ровно столько было отведено на всю операцию. Пора уходить! Уходить немедленно! Иначе они лоб в лоб столкнутся, а этого допускать нельзя ни в коем случае.

От того места, где она сейчас стояла, до двери ровно три шага. Один метр пятьдесят сантиметров. Три коротких полуметровых шага, и она успеет. Столкнуться с ним лоб в лоб значило не только провалить дело, это значило потерять жизнь. Подобной роскоши она себе позволить не могла.

ла. Слишком много висит на ней, чтобы так просто получить пропуск в мир иной. Нет, ей нужно задержаться в этом. Как можно дольше задержаться, чтобы все успеть и всем воздать по заслугам.

Итак, она должна успеть, и, кажется, она поняла, где ей сейчас надобно быть...

Он шел по гостиничному коридору чуть ленивой походкой преуспевающего человека. Таков его имидж. Дорогой черный плащ перекинут через согнутую в локте руку. В ней кожаный кейс, тоже дорогой. Иначе и быть не могло. В другой руке он держал ключи от номера, поигрывая ими с ленивой грацией. Вот он подошел к нужной ему двери. Небрежный поворот ключа в замочной скважине, и дверь распахнулась. Шаг через порог и...

Этого не может быть!!! Что за черт!!!

Мне часто снится тот сон,
Тот удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон!
Там листья падают вниз,
Пластинки крутится диск,
Не уходи, побудь со мной, мой вальс-каприз...

Кто-то, находясь за дверью ванной, громко пел песню Розенбаума. Он ничего не имел против певца, когда-то он даже очень ему нравился, но все же этот женский голос, пусть да-

же и очень приятный. Но... какого черта?! Здесь не должно быть никаких поющих женщин!

Дверь в ванную была прикрыта неплотно. Отсюда и такая слышимость. Бесшумно преодолев метры просторного холла, он подошел к двери в ванную комнату и заглянул в нее.

Конечно же – это была горничная! А он готов был подумать!..

Широкий женский зад, обтянутый форменным пастельно-голубым льном, двигался в такт движениям женщины. Она чистила ванну. Моющие средства стояли там же, на краю: два порошковых в пластиковых тубах и одно жидкое, с разбрызгивателем. Жесткая щетка мелькала в ее руках, затянутых перчатками ядовито-розового цвета. Рукава у халата были длинные. Подол едва закрывал колени. Толстые слонообразные ноги в простых чулках в рубчик, матерчатые тапочки на резиновой подошве. Откуда только набирают таких...

Все это он успел заметить секунд за десять, никак не больше. Это тоже было частью его профессионального навыка, за что ему платили хорошие деньги. Потом он так же неслышно вышел из номера. Запер дверь тем же ключом и пошел обратно тем же путем.

Что произошло? Наверняка что-то произошло, раз клиента не оказалось на месте, клиента и тех бумаг, в предвкушении получения которых его заказчик исходил слюнями. Куда же все-таки подевался нужный человек? Съехал чуть рань-

ше, чем собирался? Может ли такое быть? Нет, вряд ли. По их сведениям, он только сегодня прилетел и собирался пробыть здесь неделю. Тогда что? Ошибка с номером? Тоже нет, четвертый этаж, номер сто тридцать четыре. Он это помнил лучше своего имени – это становилось частью его самого.

Он точно знал, что должен войти в номер. Аккуратно, без лишнего шума, ликвидировать мужчину. Забрать бумаги и уйти. Это могла быть черная пластиковая либо какая-то другая папка. Неважно. Но в ней находился какой-то очередной компромат на кого-то, облеченного властью и деньгами, кто не хочет уступать власть либо этими деньгами поделиться. Это тоже было неважно для него. Принципиальной являлась определенная сумма, которая должна быть переведена сегодня к вечеру на его счет. А что теперь? А теперь, по всей видимости, ее там не будет. И покупка дома, за который уже внесен задаток, откладывается на неопределенное время.

– Черт! – вырвалось у него невольно.

– Что вы сказали? – спросил его молодой парень-портье, наверняка гей, если, конечно, сладкая улыбка и манера вилять бедрами не были частью его профессионального имиджа. – Какие-то проблемы?

Он, почти не задумавшись, небрежно швырнул на стойку ключи от сто тридцать четвертого номера и сквозь зубы процедил:

– Проблемы, конечно! Мне совсем не нравится, что номер, который я собирался занять, до сих пор не убран.

– Как?! – Улыбка сползла со смазливового лица парня, словно неуклюжая горничная прошла и по нему своей жесткой щеткой. – Этого не может быть! К тому же, простите, он должен быть заселен еще с утра. Одну минуточку, если позволите.

Портье принялся лупить по клавиатуре, не сводя встревоженного взгляда с монитора компьютера. На клиента он почти не смотрел. То ли испытывая неловкость от неприятной заминки, то ли оттого, что клиент выглядел столь сурово гетеросексуальным.

– Ах, извините! – Парень заметно повеселел. – Все правильно! Номер должен был заселяться, с него даже еще регистрация не снята, но в последний момент наш клиент передумал и вселился этажом выше, прямо над этим номером. Что за каприз такой, я не знаю. А уборка... Так это быстро. Если вы подождете немного...

– Хорошо. – Он снова сгреб ключи со стойки и уже на ходу, не оборачиваясь, бросил: – Я подожду.

То, что у не зарегистрировавшегося до сих пор клиента имеются ключи от номера, нисколько не озаботило безмозглого портье. Парень был очень доволен тем, что ему удачно удалось избежать скандала, остальное поправимо.

Он же... Жаль, конечно, что пришлось засветиться, но это ерунда, если учесть, что его теперешний имидж никак не соответствует его истинному облику. К тому же портье ни за что не вспомнит, какие у него щеки, лоб и рот, а запом-

нит только то, что клиент беспрестанно поправлял очки на переносице. Это так же было частью его профессиональной игры. Попробуй разыскать незнакомца в миллионном городе по приметам: черный костюм, черная водолазка, черный плащ через руку, черные короткие волосы, дорогой кейс и очки. Фотороботы его портретов нередко появлялись в разных уголках нашей необъятной страны, но ни один не соответствовал оригиналу. Это и отличало профессионала от неумелого дилетанта, который клеил усы и бороду, а то и натягивал на лицо черную маску с прорезями для глаз. Без нужды он уж точно никогда не станет маскироваться и прятаться, а вот остаться по возможности незамеченным – это да... Вот ключи он никак не мог оставить этому легкомысленному парню. На них были его отпечатки, потому что разгуливать по отелю в пиджаке и перчатках было явно нелепо.

Зеркальный лифт медленно полз на пятый этаж. Там, по словам того же легкомысленного портъе, должен был остановиться тот, кто ему был так нужен. И даже не столько он сам, сколько то, что содержалось в его бумагах.

За добытую информацию должны были заплатить очень щедро. Так щедро, что вполне хватит выкупить тот дом, в котором вдруг так остро захотелось встретить старость.

Роскошный сад, не из диковинных деревьев и модной ныне хвои, а самых обычных яблонь и груш, которые к тому же обильно плодоносили. Он сам это видел! И дом... Мечта, а не дом. Двухэтажный, деревянный, с верандой, огром-

ным балконом, опоясывающим дом по всему периметру, огромными стрельчатыми окнами на все стороны света. Разве можно было о нем не мечтать?! Да он перед кем угодно комедию разыграет, лишь бы добиться правды и выполнить то задание, за которое ему обещали...

В очередной раз поправив очки на переносице, он поймал свое отражение в зеркальной стене кабины лифта и вдруг поразился брезгливо-недовольной гримасой на своем лице. С чего бы это? Ну, заминка вышла, и что? Такое случилось и прежде, но никогда не могло помешать его планам. Он всегда доделывал то, что намечал. А тут тем более, такие деньги!

Нет, дело, видимо, было не в заминке. Тут было что-то еще. Это было что-то такое, что еще не сформировалось и не приняло конкретных форм, а пока витало и металось где-то в подсознании, проступая на лице таким вот брюзгливым оттиском.

Уточнять причину своего недовольствия ему не пришлось. Лифт распахнулся, выпуская его на пятом этаже. Он вышел и огляделся. Коридор был почти пуст, если не считать двух молоденьких дежурных по этажу, стоящих сейчас у торцевого окна и о чем-то беззаботно беседующих. В его сторону они даже не посмотрели. Это было хорошо. Не пришлось бы убирать и их тоже.

Номер он нашел очень быстро, точно рассчитав, в каком месте коридора тот должен быть расположен. Подошел к двери и пару раз тихонько стукнул костяшками пальцев по ко-

сяку. Ключей-то у него не было. А возня с отмычкой могла привлечь внимание дежурных. Приходилось перестраивать план на ходу.

Еще раз постучав и не дождавшись ответа, он натянул рукав черной водолазки на кисть, ухватился за ручку и крутанул ее. В защелке тут же скрипнуло, щелкнуло, и между дверью и притолокой образовалась узкая щель. Дверь была не заперта. Какое-то время, может быть, секунды три-четыре, не больше, он соображал. Потом, вздохнув тяжело, вошел в номер и захлопнул дверь изнутри.

Итак, подсознание все-таки не зря посылало ему тревожные импульсы, вот недовольство и отразилось на его лице. Его опередили. Опередили совсем чуть-чуть. Ему казалось, что он еще видит дымок над дыркой в голове мужчины, лежавшего сейчас лицом вниз посреди гостиной. Кейс, разумеется, с вывороченным нутром стоял на столе.

Над ним словно издевались, давая понять, что дело уже сделано.

Все, мол, мужик, ступай себе. Ты опоздал. Человек мертв, а документы исчезли. Так что...

Вышел он через соседний номер, потому что кто-то подошел к двери и принялся крутить дверную ручку. Ему ничего не оставалось делать, как перелезть по балконам в соседний номер и выйти из него через дверь. В номере никого не оказалось, он даже не был заселен, что существенно облегчило ему задачу – не пришлось убивать свидетеля.

Дежурные из коридора исчезли, но навстречу попались две пожилые пары, оживленно между собой беседующие. Они непременно вспомнят мужчину средних лет во всем черном и в очках. Ну и черт с ними! Пускай вспоминают. Уже через несколько минут на нем не будет ничего черного и очков тоже. Все это будет выброшено и предано забвению. Все, кроме двух вещей. Его пистолета с глушителем, избавляться от которого пока не стоило. И еще глухой, не выплеснутой ярости, что клокотала внутри, разрывая легкие от невозможности заорать в полный голос.

Кто?! Кто посмел? Каким манером его обставили??? Где он ошибся, а он ошибся, это яснее ясного! Обставили или подставили???

Он спустился по лестнице, проигнорировав лифт, и вышел через черный ход, загроможденный инвентарем из кухни. Тут почти никто и никогда не ходил, он проверял это заранее. Ведь все же проверял, как он мог ошибиться? Десятки раз посещал эту гостиницу, прежде чем явился сюда сегодня. Он все просчитал, все сопоставил, знал количество шагов от лифта по коридору до каждого торцевого окна. Он высчитал поминутно все возможные маршруты передвижения, и все же его обошли. Кто?!!

Он выбрался на автостоянку, подошел к машине, взятой напрокат. Отпер ее, швырнул плащ и «дипломат» на заднее сиденье, сам уселся за руль. Уезжать не спешил. Почему, сам пока не понимал. Что-то он пропустил или недодумал, и ему

требовалось время, чтобы посидеть и поразмышлять, подумывать над этим.

Перво-наперво нужно было выделить те факты, на которые он сегодня обратил внимание. Или надо было обратить, но он не придал им значения, а стоило. Итак, что это?

Клиент почему-то переместился на этаж выше. Почему? Делал ли он так всегда, или что-то натолкнуло его на перемену места? Теперь об этом уже не узнаешь. Но тот, кто опередил его, об этом знал или догадался. А если не знал, то должен был пройти тем же путем, что и он сам. То есть войти сначала в сто тридцать четвертый номер, а потом сразу же наверх. И пока он болтал с портье, этот человек сделал за него его работу, лишив его заработка. Как он догадался, что номер наверху обитаем? Не морзянкой же ему по трубам отстучали сверху, в конце концов!

И вот тут он мгновенно все понял. Стоило только дойти до этого места в размышлениях, как сразу все встало на свои места. Как же он не догадался? Недоглядел? Этого же такой серьезный сбой, как он мог так облажаться?

Горничная, убирающая номер! Это она! Как же он сразу-то... Надо же, только сейчас вспомнил, что форменные платья обслуживающего персонала гостиницы с короткими рукавами. Цвет совпадал в точности, но вот рукав точно был коротким. Он это еще раньше заметил, и те две дежурные по пятому этажу, что разговаривали у окна, – у всех были короткие рукава, тогда почему же у той, что убирала номер

сто тридцать четыре, они были длинные? Ведь мыть ванну так не очень удобно. Скорее всего, чтобы что-то скрыть. Волосатые руки, к примеру, которые могут быть только у мужчин. Или, может быть, поролоновые накладки? Неспроста же ее тучность показалась ему неестественной. Вернее, несвойственной для работы в таком месте. Ноги, опять же, не в капроновых, а в простых чулках...

– Идиот!!! – он досадливо поморщился. – Трижды идиот!!!

Надо же было купиться на такой маскарад! Хотя, с другой стороны, в этом-то и заключался секрет ее успеха. Ее ли, а может, его? Нет, все же ее, потому что голос, певший шлягер Розенбаума, никак не мог принадлежать мужчине. Он запомнил этот голос. Запомнил, наверное, на всю жизнь. Он точно теперь будет звучать во всех его снах. И отлично, по этому голосу он ее и поймает! А в том, что поймает, он был уверен наверняка. Ни одна женщина никогда прежде не смела перейти ему дорогу. Ни одна! Эта не станет исключением, пусть даже для этого он потратит всю оставшуюся жизнь.

Глава 2

Утро началось с дурацкого недоразумения. Хотя почти каждое ее утро начиналось почти так же. Либо прольет кофе на новую юбку. Либо колготки поползут на самом видном месте в тот самый момент, когда ее требует шеф. А тот был очень крут, требовал неукоснительного выполнения правил трудового распорядка, что включало в себя и безупречный внешний вид.

Сегодня у нее как никогда вид соответствовал. Только вчера купила новый свитер в мелкую полоску. Тот как нельзя лучше подошел к юбке, которую ей на прошлой неделе отдала соседка, только потому, что уронила на боковой шов сигарету и прожгла там микроскопическую дырочку. Дырочка благополучно была заштопана, отпарена и совершенно стала незаметной. В чем Ольга убедилась, разглядывая себя вчера вечером в зеркале. Колготки тоже оказались в порядке, ни одна набойка не отскочила от сапог. Тогда почему так тревожно на душе? Уж не потому ли, что сегодня понедельник и ее вызывают к себе даже раньше еженедельного совещания? Тут еще Вера, соседка по кабинету, скривила набок рот, как всегда делала, когда хотела сообщить какую-нибудь новость, и прошипела:

– Дошли слухи, что ты попала на заметку.

– Как это? – Ольга опешила, перебирая бумаги на столе,

она как раз пыталась отыскать сценарий детского праздника, который проводился с ее участием в музыкальной школе в прошлый четверг. – Как это на заметку?

– Сама знаешь! – Вера многозначительно хмыкнула, покосившись на стеклянную перегородку, разделяющую офис на две части: комнату подчиненных и кабинет их начальника. – Ну, счастливо!

Счастье в данном случае было сомнительным, всем было известно, что в понедельник к шефу лучше не соваться ни с личными, ни с общественными вопросами. Ольга бы и не сунулась, по возможности отложив визит до более удачного времени. Глядишь, надобность отпадет и вызовут ее уже во вторник, а это много лучше. Но сегодня приглашение повторялось уже во второй раз, причем передано было не через секретаря – вертлявую Лизку, вечно сующую свой нос не в свои дела. Шеф самолично постучал согнутым пальцем по стеклянной перегородке, указал в ее сторону, когда они все подняли головы, и поманил пальцем именно ее.

– Ну что, Шустикова Ольга! – К моменту ее прихода он уже занял свое место за столом, развалясь на вертящемся кресле, и смотрел теперь хмуро прямо на носки ее сапог. – Доигралась?!

Она хотела изумиться, возмутиться и поинтересоваться, но потом передумала. Если вызвал, сам скажет. А начини задавать вопросы, неизвестно во что это выльется.

– Что натворила, признавайся! – рыкнул он, правда, без

особого напора, скорее озадаченно.

– Так ничего вроде бы. – Ольга пожала плечами, а сама быстро осмотрела свои сапоги.

Не дай бог там засохшая грязь, которую она не заметила.

Но нет, носки ее сапог глянцевито сияли, она всегда протирала обувь, придя в офис.

– Тогда какого черта тебя требуют наверх? – не поверил ей ни на минуту шеф, и не только потому, что сегодня был понедельник.

Всем было известно, что вызывают наверх – к вышестоящему начальству – только по двум причинам. Либо ты идешь на повышение, либо за ворота.

За ворота Ольге было нельзя. О повышении никогда не помышляла, хотя частенько выполняла не свою работу, а ту, которую на нее спихивали сослуживцы. И теперь это утреннее происшествие сочла очередным недоразумением. Наверняка в кадрах что-то напутали, если, конечно, ее не собрались выгонять.

– Тебе сколько лет-то вообще? – вдруг не к месту, как ей показалось, задал вопрос Евгений Евгеньевич. – Факт, в отделе ты совсем недавно, но с отчетами из своего района сюда постоянно моталась. Сто лет, кажется, тебя вижу, а никогда не замечал...

– Что именно? – все же вырвалось у нее, хотя черный календарный квадратик понедельника маячил на стене у шефа над головой.

– Какая ты у нас! – Он вдруг приосанился, сел ровно за столом и, уложив руки на столешницу, вкрадчиво произнес: – Красавица...

Это было уже что-то! Что-то такое, от чего у Ольги мгновенно закружилась голова, а по спине поползли тоненькие струйки пота.

Что-то было не так. Что-то изменилось. И изменилось не в лучшую для нее сторону. Она была в этом уверена, иначе с чего это вдруг Евгений Евгеньевич начал ее разглядывать? Ее свитер с чужой юбкой тут уж точно ни при чем. Она и раньше приходила в обновках, но никаких знаков внимания с его стороны не было. А тут вдруг...

– Ладно, иди! – махнул он рукой, вяло этак, безжизненно, словно ставил на ней крест. – Тебе уже давно пора быть у самого!

Перед тем как подняться наверх к руководству, Ольга зашла к себе и убрала все бумаги в стол.

– Чего это ты?! – опешила Вера.

– Сам вызывает. Не мне тебе говорить, что это значит.

– И что это значит? – та недоверчиво хмыкнула, вечная ее манера хмыкать порой бесила Ольгу. – Уж не думаешь ли ты, что тебя сокращают?

– Думаю. Представь себе, думаю! А что мне еще думать, по-твоему, если Жека, – так они за глаза именовали своего начальника, – начал с того, что поинтересовался, что я такого натворила! А что я могла натворить, если все выходные

провела на даче у мамы!

Вера покрутила в длинных пальцах пианистки, коей она и была в недалеком прошлом, простой карандаш, швырнула его затем на стол и после очередного хмыканья, поинтересовалась:

– А больше он ничего такого тебе не говорил?

– Что именно? – Ольга подошла к шкафу, открыла дверцу и быстро оглядела себя с головы до ног. – Спросил, кажется, сколько мне лет. И что-то еще такое добавил, мол, никогда не замечал, какая я...

Тут она замялась. Назвать себя принародно красавицей у нее язык не поворачивался. Она, конечно, не была слепой и понимала, что не уродина. Далеко не уродина. Но кричать об этом на каждом перекрестке не собиралась. Как мама любила говорить: кому надо, увидят.

Что же получается, увидели?

– Какая?! – вцепилась в рукав ее нового свитера Вера. – Как он сказал, какая ты?

– Красавица или что-то в этом роде, я не очень хорошо расслышала, – пробормотала Ольга, она не любила врать без нужды.

– А-а-а, теперь понятно! – Вера скривилась в недоброй ухмылке и, провожая ее взглядом до стеклянной двери, пробормотала ей уже в спину: – Кажется, наша девочка прошла кастинг. Ну-ну... Удачи тебе, дорогая, в таком нелегком деле!

Последние слова не достигли ушей Ольги, она уже вышла к лифту. И уж, конечно, осталось для нее неизвестным, что сразу после ее ухода Вера сняла телефонную трубку, набрала номер и, дождавшись, когда ей ответят, произнесла ледяным тоном:

– Кажется, у нас проблемы...

Ольге это было неведомо. Она в этот момент, поднявшись через два этажа в апартаменты высшего руководства, приветствовала улыбчивую секретаршу, совсем не похожую на их вертлявую Лизку ни манерами, ни внешностью.

– Вас сейчас пригласят. Присядьте, пожалуйста. – Девушка указала ей на глубокое кресло.

Но Ольга предпочитала постоять. Если сесть в это кресло, а потом встать, то колготки непременно соберутся предательскими складками на коленях. И не то чтобы ее колготки были такими уж дешевыми, нет, но они почему-то все равно собирались складками, хоть плачь. Подол юбки как раз проходил вровень с ее коленями, но не факт, что этих самых складок не увидит высшее руководство, которое наверняка не терпело неаккуратности в одежде.

– Прошу вас, входите.

– Послушайте, – прошептала Ольга, боязливо косясь на дверь генерального директора, – как его полное имя? Я здесь не так давно работаю. Мне доводилось видеть визируемые им документы, но там всегда были лишь инициалы. Неудобно как-то...

– Понимаю, – девушка снисходительно улыбнулась, так же понизила голос до шепота и произнесла: – Хочу вас предупредить, что шеф у нас человек новый и он поразительно хорош собой. Это иногда сбивает с толку таких хорошеньких девушек, как вы. Но вы должны всегда помнить, что он женат! Владислав Иванович Любавский боготворит свою супругу и должен вот-вот стать отцом. Так что...

– Я понимаю. Значит, Владислав Иванович Любавский?

Ольгу немного покоробили слова секретарши, но останавливать ее смысла не было. Наверняка та и сама была не прочь поиметь с красавцем шефом интрижку, поэтому и конкуренцию хотела присечь в корне.

– Да. – Улыбка секретарши стала более натянутой. – Вы можете входить.

– Спасибо. – Ольга признательно улыбнулась в макушку девушки, так как та уже склонилась над столом, и потянула на себя дверь с табличкой «Генеральный директор».

Владислав Иванович Любавский стоял к ней спиной и что-то разглядывал через окно. На широких плечах дорогой пиджак. Темные ухоженные волосы чуть спадали на воротник. Длинные крепкие ноги, разумеется, в таких же дорогих брюках. Это, пожалуй, все, что Ольге удалось рассмотреть со спины.

Она стояла у самой двери, теребила в руках краешки рукавов нового свитера и все ждала, когда же на нее обратят внимание. Она очень волновалась, но вместе с тем ее разбирало

любопытство. Зачем она понадобилась красавцу генеральному с самого утра в понедельник? Красавцем он, наверное, был несомненным. И осанка, и посадка головы, и небрежное постукивание пальцев о подоконник свидетельствовали о том, что парень жутко самоуверен. А что обычно вселяет в мужчин уверенность? Правильно! Удачливость и, в обязательном порядке, женское внимание. Хотя второе, как правило, идет в ногу с первым.

Ольга тихонько кашлянула, пытаясь привлечь к себе внимание. Реакции никакой. Владислав Иванович по-прежнему таращился в окно и барабанил пальцами о подоконник. Она кашлянула чуть громче и сделала несколько шагов от двери к П-образному столу. На нее все так же не обращали внимания.

– Мне сказали, что вы меня вызывали, Владислав Иванович? – прочирикала Ольга, поражаясь тому, как противно заискивающе прозвучал сейчас ее голос.

– Считаешь? – небрежно поинтересовался генеральный, все так же не меняя позы.

– Простите? – Она замерла на месте.

То ли ей послышалось, то ли на самом деле он так сказал, понять она не могла. Было ли то издевкой или новой демократичной формой общения между руководителем и подчиненной? К тому же она, наверное, точно сходит с ума, раз в его голосе услышала давно забытую интонацию.

И вот тут он обернулся. Медленно, как в старом кошмар-

ном сне, он повернулся к ней всем корпусом. Встал напротив, широко расставив ноги. И улыбнулся так, как мог улыбаться только он: паскудно-вызывающе и самонадеянно.

– Почему, черт возьми, Любавский? – это было первое, что вырвалось у нее. – И почему ты...

– Черт возьми, забыла добавить, – Владик улыбался все шире. – И почему я что, дорогая? Жив? Ты ведь так хотела, чтобы было по-другому, не так ли?

– Неправда!!! – Ольга, не справившись с собой, выкрикнула это слишком громко, опасливо покосилась на дверь за спиной и уже тише добавила: – Это неправда, и ты это знаешь не хуже меня! Очень удобно обставить собственное предательское бегство таким вот образом.

– Но ты же не смеешь отрицать того, что мне в тот момент и в самом деле было несладко. – Вальяжной походкой ныне Любавский, а в недалеком прошлом Попов прошелся по пушистому ковру, подошел к ней почти вплотную и, едва не коснувшись ее уха горячими губами, прошептал: – Привет, детка. Как ты без меня все это время?

Ольга отшатнулась от него, едва устояв на высоких каблуках. Ощущение было таким, будто ей за шиворот насыпали горячих углей. Мало сказать, что в глазах потемнело. Еще и ноги предательски задрожали, того и гляди подогнутся в коленях, и...

Не-ет, все, что угодно, но только не рухнуть. Не показать, какая предательская слабость снова навалилась на нее при

звуке его голоса. Не показать того, что еще не успело умереть в ее душе вместе с его именем.

– Я могу присесть? – проговорила Ольга, обходя Любавского стороной и выдвигая стул из-за стола.

– Да, конечно, детка. Ты же мне как бы... – Он дождался, когда она усядется и положит руки на стол, подошел к ней сзади и, нависнув над ней, снова прошептал в самое ухо: – Все еще жена.

– Мой муж погиб в результате несчастного случая, о чем у меня имеется запись в свидетельстве о его смерти, – шепельнула Ольга помертвевшими губами, даже не поняв, произнесла она это вслух или только подумала.

– Это когда было-то, детка?! Ну что ты в самом деле, как маленькая! Мы тогда были так безрассудны. Студенты, одним словом. Ну, расписались в каком то совхозе, оформив все документы за два часа. Сколько мы тогда водки купили этому умнику, литр или два? Кажется, наша скоропалительная женитьба стоила нам тогда, дай бог памяти, трех бутылок. Так? Так... Ну, утонул твой муж через полтора месяца в порожистой реке уральских просторов, кто же виноват? Говорят, даже труп нашли? А ты, детка, его опознала! По каким-то жутким тряпкам, которые когда-то мне принадлежали. Разве же так можно?! Я все ждал, ждал, когда ты опомнишься и поймешь, что все это лишь розыгрыш, а ты все-таки серьез... И потом эти милые люди, что тебя окружили тогда, не дали тебе сломаться... Как же все они поддерживали те-

бя, я просто диву давался!

Владик продолжал ломаться, стоя за ее спиной и дыша ей прямо в затылок. На колени он там встал, что ли! Что вообще он вытворяет?! Мерзавец! Мерзкий, подлый, вероломный человечешко!

– Оленька, – позвал он ее свистящим шепотом, – сознайся, ты догадывалась.

– О чем? – спросила она только из желания проверить себя на способность произносить хоть что-нибудь.

– О том, что я жив, дорогая. Ты же лишь пару дней билась в истерику, никак не больше. Потом призадумалась и...

Ольга обернулась, не выдержав его обжигающего дыхания, и уткнулась взглядом в его глаза. До сих пор красивые, необыкновенного прозрачно-голубого оттенка, но от того не менее лживые.

– Я догадывалась, Влад. И не потому, что всплывший утопленник был сантиметра на четыре длиннее тебя. А потому, что к моему возвращению из нашей с тобой съемной квартиры исчезли все твои вещи и кое-что ценное из моих. Пара серег золотых, подарок бабушки. Цепочка со старинным медальоном, он был дорог мне, Влад. За сколько ты его продал?..

Она внезапно замолчала и отвернулась. Воспоминания, тяжелее которых в ее жизни не было, снова стиснули ее железными тисками. Когда это все случилось с ней? Два года, пять, десять лет назад или только вчера... Или целая веч-

ность прошла с того времени, когда ей пришлось умирать и возрождаться заново. Отстраивать на пепелище надежд свою новую жизнь. Господи, как же ей было больно тогда! Сначала больно осознавать, что из-за глупого недоразумения погиб любимый ею человек. А потом было куда больнее осознавать, что все то горе, которое на нее свалилось, не более чем фарс. Она едва не обезумела тогда, осознав, что стала игрушкой в руках безжалостного мерзавца. Мерзавца, которого с трогательной нежностью любила и которому потом поклялась отомстить. Ольга до сих пор помнила слово в слово ту клятву, которую шептала по ночам, давясь слезами и корчась от жутких спазмов во всем теле. Следствие сильного нервного потрясения, сделали тогда заключение врачи, даже не подозревая, насколько оно на самом деле было сильным. Как она вообще не свихнулась в те дни? Она же думать тогда ни о чем другом не могла, только о том, как разыскать его. Делать официальные запросы не могла – труп сама опознала. Приходилось ездить, придумывать легенду за легендой, рыться в Интернете. Но нигде ни единого упоминания о Попове Владиславе Ивановиче. Ни единого! А он, оказывается, уже Любавский...

– Кого тебе удалось заполучить в жены на этот раз? – спросила она после паузы, в течение которой пыталась овладеть собой. А так хотелось наброситься на него и расцарапать в кровь его самодовольную физиономию. – Судя по креслу, в котором ты протираешь свои дорогие штаны, женщина

должна быть...

— А вот об этом я и хотел с тобой поговорить, сокровище мое! — Влад обошел ее стороной, легким движением руки скользнув по ее плечам и щеке. — Вот это и есть истинная причина твоего присутствия в этом кабинете.

Он занял свое место за столом генерального директора. И Ольга не могла не признать, что выглядит он весьма представительно. Впрочем, он всегда умел произвести впечатление. А уж выглядеть мог и в простой робе так, что невольно хотелось взять под козырек. Это ей вспомнились слова их прораба с той далекой уральской стройки, где они трудились на летних каникулах. Как раз тогда, когда им взбрела в голову шальная мысль заделаться и на бумаге мужем и женой. Правда, их официальное супружество длилось очень-очень недолго.

— Почему, Влад?! — вдруг произнесла Ольга с забытым надломом в голосе. — Почему ты так поступил со мной тогда?! Да, у тебя были проблемы. Да, тебе нужно было исчезнуть с лица земли либо таким способом, либо настоящим. Но почему я?! Почему со мной ты так поступил?! Я же любила!.. Я же знала о тебе почти все и... могла бы помочь!..

— Ты и помогла, дорогая, — Влад искушенно ухмыльнулся. — Ты мне помогла как никто, отстрадав положенное время. За тобой же следил не только я. Ну, а потом... А потом я встретил Лизу Любавскую. И понял, что...

— Что с ней тебе будет куда удобнее, чем со мной, так?! —

Ольга сцепила руки в замок, чтобы, не дай бог, Влад не заметил, как подрагивают у нее пальцы. – Можешь петь мне про любовь сколько угодно, я не поверю ни единому твоему слову! Для того чтобы любить искренне, ты слишком испорчен.

– И тем не менее. – Ее слова его ничуть не задели. Что-то подобное он и ожидал от нее услышать. Ничего, пусть выговорится. Выпустит пар, а потом... – Я люблю ее. У нас скоро будет ребенок. И я жду его, как ничего и никогда в этой жизни не ждал. Оль, ты должна понять, что...

– Что, разрушив твою жизнь сейчас, я разрушу жизнь еще не родившегося малыша! Ты мне об этом хотел сказать?! – Ольгу заколотило. – Лихо! Почему я должна тебя щадить, черт тебя бы побрал, Попов!

– Тсс, дорогая, не кипятись. – Влад выглядел спокойным, но по подергиванию его губ она поняла, что он нервничает. А как же: она сейчас реальная и пока единственная угроза его теперешнему благополучию. – Давай попытаемся с тобой договориться. Идет?

Вот оно! Вот начинает сбываться то, что годами вынашивала в мечтах! Сейчас он начнет ее просить, умолять, а она выдвигать условия. А их у нее воз и маленькая тележка. И кто знает, не пожалеет ли он, что на самом деле не утонул тогда в той порожистой речке, вода в которой была очень чистой и очень студеной.

– Тебе нужно уволиться, Оля, – осторожно начал Влад, очень пристально отслеживая ее реакцию. И по тому, как

дернулся ее подбородок, он понял, что не ошибся, избрав такой путь. – Пойми, нам будет сложно встречаться каждый день и никак не обнаруживать, что мы с тобой знакомы.

– Знакомы, значит! Просто знакомы. И никак иначе, значит!!! – Пальцы ее внезапно расцепились, сжались в кулаки и принялись барабанить по столу в такт каждому слову. – Я никуда не уйду! Заруби себе на носу, что я работала здесь и буду работать и уйду лишь следом за тобой! Меня все устраивает, все... кроме зарплаты, дорогой! Вот это, думаю, нам стоит с тобой обсудить. Размер моей зарплаты, вот то, с чего нам стоит начинать с тобой переговоры. А потом...

– Потом не будет, Оленька, – перебил ее Влад, опустив глаза и снова принявшись постукивать по столу, как десять минут назад по подоконнику. – Никогда не нужно доводить людей до крайностей, Оля. Твой грубый шантаж может иметь прямо противоположный эффект.

– Ты мне угрожаешь? – Что-то подобное она ожидала услышать от него, не ожидала только, что события начнут развиваться столь стремительно. – Как давно ты знаешь о том, что я здесь работаю?

– С пятницы, – обронил он задумчиво, поднимая на нее ничего не выражающий взгляд, он мог таким прикрыться, она это знала. – В пятницу ко мне случайно попал твой отчет о проведенном в четверг празднике. Обычно этими бумагами занимается мой заместитель. Но в тот день его не было, и секретарша всучила папку с его бумагами мне. Идиотка!

Твоя фамилия вкупе с инициалами не могли не вызвать у меня подозрений. Я запросил в кадрах твое личное дело, и вот...

– И вот ты начал действовать, Владик, – закончила она за него. – Ты решил меня уволить. Не спросив, как мне все это время жилось, на что жилось и как существовалось, ты решил меня уволить. Разумное решение! Но теперь, дорогой мой муженек, я без боя не сдамся. Я стала старше и...

– И ничуть не стала умнее, – перебил он ее, оборвав стук по столешнице. Выбрался из-за стола и снова навис над ней, подойдя почти вплотную. – Оленька, дорогая моя! Нельзя не оставлять человеку выбора! Он всегда должен его иметь! А ты мне не оставляешь.

– Ты снова угрожаешь, – горестно выдохнула Ольга, ощущая спиной тепло, идущее от его большого сильного тела. – Не оставлять выбора... Он у тебя есть!

– Да? И какой же? – Его губы почти касались мочки ее уха, щекоча и будоража одновременно.

– Оставить все как есть. По крайней мере, пока.

Нужно было выиграть время. Оттянуть тот момент, который так долго пестовала в мыслях. Не сейчас... Когда-нибудь потом, но не сейчас. Не тогда, когда он стоит так близко, что ей слышен стук его подлого сердца, от которого между лопаток сводит кожу и хочется кричать во все горло обо всем, о чем так долго молчала. Но не сейчас. Нет, сейчас еще не время. И какой, к черту, ребенок, если Попов их терпеть

не мог?! Что-то здесь не так...

– Значит, не уйдешь? – Его руки оперлись о край стола по обе стороны от нее, а его грудь навалилась ей на спину, едва не прижав к столу. – Думаешь, как я должен поступить в таком случае?

– Так же, как ты поступил несколько лет назад: забудь обо мне. – Ольге удалось вывернуться и выбраться из-за стола. Отойдя на безопасное расстояние поближе к двери, она снова повторила: – Просто забудь обо мне, Владик, и все.

Не дожидаясь его ответной реакции, она вышла из кабинета. Проигнорировав настороженную любезность секретарши, Оля миновала приемную, просторный коридор, вошла в лифт, и лишь здесь, оставшись в одиночестве, она дала волю чувствам.

Страдания, те самые, которые, казалось, ей удалось похоронить в себе, вернулись снова! Причем жалило все это гораздо острее и больнее, чем прежде. Картины мести, которые за эти годы сменяли друг друга, рисовали его – растоптанного, опущенного, лишенного, нищего, но уж никак не такого, каким он сейчас предстал перед ней. Таким его она даже не помнила. В то время они были полуголодными студентами, на последние деньги снимали отдельное жилье и ждали перемен к лучшему. Вытертые джинсы, растянутые свитера, выцветшие футболки. Он стригся тогда очень коротко, почти налысо, чтобы выующиеся волосы не доставляли хлопот. Сейчас же он стал другим, почти непохожим на себя. Нет,

конечно же, самомнения в нем и раньше было хоть отбавляй. Но теперешний его лоск делал его просто неотразимым и таким... желанным. Даже более желанным, чем прежде. Вот и не верь после этого изречению, что от ненависти до любви всего лишь один шаг. Ей вот понадобилось преодолеть подъем всего лишь в два этажа, чтобы понять – ничто не умерло в ее душе. А что же он? Что двигало им, когда он потребовал ее ухода? Страх перед разоблачением? Это вряд ли. Его жена не могла не знать, с кем она связывает свою судьбу, тем более что Владику была свойственна болтливость в моменты душевного раскрепощения. Хотя он мог от нее и скрыть это. Вот бы узнать, а заодно и разведать, так ли уж прекрасна госпожа Любавская, что ради нее можно сходить и на костер даже таким, как Попов.

– Что там? – Вера оторвала свой взгляд от кроссворда, который ей надлежало составить к завтрашнему дню для очередного торжества в одной из музыкальных школ города. – Тебя повысили или уволили?

– Ни то, ни другое, – произнесла Ольга как можно ровнее.

– Чего же тогда? – Вера недоверчиво покосилась в ее сторону.

– Очередное недоразумение. – Ольга открыла свой стол и принялась снова доставать оттуда свои бумаги и раскладывать их на столе. При этом она успела заметить мятущуюся макушку Евгения Евгеньевича, который стоял перед дилеммой: вызывать ли ее на свой ковер после того, как она побы-

вала на другом. — Меня просто-напросто перепутали с другой Ольгой Шустиковой.

— И у нас такая имеется? — Вера все еще не хотела поверить в такое простое объяснение.

— Да... Слушай, Верочка, завтрашний день у нас пойдет... — И Ольга переключилась на планы грядущей недели, уводя излишне любопытную Веру от опасной темы.

Они говорили, работали, пили кофе, снова работали. Сбегали в кафе поблизости пообедать. Вернувшись, снова окунулись в работу с головой, тем более что новогодние праздники были не за горами. А это могло означать только одно — аврал! Каждый праздник для их управления культуры мог включать в себя только это понятие. Утренники в школах и детских садах, сценические разработки которых лежали прежде всего на них. Праздничные концерты. Молодежные дискотеки. Целая лавина всевозможных творческих встреч. Отдыхать в праздники, одним словом, им никогда не приходилось.

Сейчас Ольга была этому только рада. Появилась прекрасная возможность отвлечься и не думать о том, которого искала эти долгие годы и который в настоящий момент находится в такой досягаемой близости. Получалось у нее слабовато, но получалось. От Веры, правда, ее рассеянность скрыть не удалось. Та была человеком достаточно проницательным.

— Нет, ты сегодня все равно какая-то не такая, — закончила она вздохом их рабочий день и с хрустом потянулась, вставая

из-за стола. — То ли тебя вызов к руководству так выбил из колеи, то ли ты влюбилась.

Оля ответила ей неуверенным смешком, подходя к шкафу и доставая оттуда свою куртку. Объяснять что-либо она поостереглась. Могла завраться, а Вера запросто вычислит, поймает на мелочах, и тогда от доверительной беседы не открутится. А откровенничать Ольга не могла. По крайней мере, пока не могла. И тем более с Верой...

С работы они вышли порознь. Вера помчалась семимильными шагами на троллейбусную остановку. Оля двинула к подземному гаражу, где оставляла свою крошку «Оку».

Мамин подарок ко дню рождения приветливо моргнул ей издали фарами, тоненько пискнув сигнализацией. Сейчас она выедет из гаража на улицу, немного поколесит по городу. Непременно заедет в супермаркет, что недавно открылся по соседству с ее домом. Цены там пока не успели взлететь до общегородского уровня и приятно радовали своими предпраздничными скидками. Что же она собиралась купить сегодня вечером? Мама просила привезти пару куриц в вакуумной упаковке. Еще себе хотела купить порошковый шоколад, который полюбила заочно еще с детства, начитавшись Карлсона. К шоколаду неплохо бы бисквитов. Были там, она точно видела в свое прошлое посещение, миндальный и персиковый. Их она и купит. И еще...

За мгновение до того момента, когда на голову ей рухнуло что-то тяжелое, Ольга успела подумать, что ощущает за сво-

ей спиной какое-то движение. И еще подумалось, что этого быть не может в принципе, так как за спиной стоял огромный, как автобус, черный джип «Чероки». Усаживаясь вечерами в свою «Оку», она всегда задавалась вопросом – кому может принадлежать такая шикарная машина.

Узнай Ольга, что хозяин ее, спрятавшийся сейчас за колонной и наблюдающий за ней издали, не кто иной, как ее воскресший муженек, то потеряла бы сознание во второй раз, не успев прийти в себя.

Глава 3

Любавский не без интереса наблюдал за тем, как вокруг его Ольги суетится какой-то малый. Он подошел как раз в тот самый момент, когда тот мастерски отключил ее, ударив ребром ладони по шее чуть сбоку. Его так били, и он знал, что ощущение бывало таким, будто на голову тебе обрушился потолок. Но знал также, что, очнувшись, особого дискомфорта она не испытает. Если только сухость во рту, легкий звон в ушах да неприятное покалывание в области шеи. Но все это было сущими пустяками в сравнении с самим фактом случившегося.

Что вообще происходит?! Ольга, законопослушнее которой разве что сам Уголовный кодекс Российской Федерации, не могла никому причинить вреда! В чем, в чем, а уж в этом Влад был уверен абсолютно. Она принципиально не могла также быть замешана в чем-то, что могло вызвать интерес таких вот парней, один из которых суетливо шарил сейчас в ее сумке и в карманах куртки. Причем кошелек он не взял, хотя с содержимым и ознакомился. А ознакомившись, сунул его обратно в сумку. Вполне резонный вопрос: что ему было от нее нужно, кроме денег?

Любавскому очень хотелось курить. Он трогал пачку сигарет в кармане дорогого пальто, сжимал зажигалку в другом и все ждал, когда же этот наглец свалит из гаража. Не дай

бог, явится кто-то еще, поднимется шум, кто-нибудь непременно додумается вызвать милицию, а этого допускать никак нельзя. После томительных размышлений Влад с печальным вздохом полез в барсетку. Достал оттуда ключи от машины и нажал кнопку сигнализации. Ему очень не хотелось себя обнаруживать, но другого выхода просто не было. Мешкать дольше было нельзя. Судя по уверенным движениям напавшего на Ольгу парня, тот не особо торопился. Приходилось вмешиваться...

«Чероки» оглушительно взвизгнул, осветив полумрак подземного гаража суматошным всполохом фар. В этот момент, деловито рассматривая что-то в барсетке, Любавский вывернул из-за колонны, за которой прятался. Четыре шага, не поднимая головы. Потом он резко поднял взгляд и настороженно огляделся. Парня рядом с Ольгой не было. Но уйти из гаража, не столкнувшись с ним, тот не мог, значит, прячется где-то за машинами.

Влад почти вплотную подошел к своему джипу, встал спиной к выходу, тем самым откровенно предоставляя возможность парню скрыться. И, судя по всему, тот ее использовал. Молодец. Не пришлось поступать с ним так, как тот поступил с Ольгой.

А с Ольгой была просто беда. Распластанная на полу, с высоко задравшейся юбкой и неестественно вывернутыми ногами, она производила гнетущее впечатление... даже на него.

– Эх, Олька, Олька, ну что мне прикажешь с тобой делать? Не бросать же так вот, на полу. Еще, чего доброго, простынешь. Ведь пригодишься еще.

Все это он успел пробубнить себе под нос, пока открывал машину и устраивал бывшую жену на заднем сиденье. Потом быстро подобрал с бетонного пола ее сумку и ключи от «Оки». Уселся за руль своего джипа и спустя мгновение уже выезжал из гаража.

Конец ноября не самое лучшее время для путешествий. Хмурое небо разверзлось мерзким мелким дождем, постепенно переходящим в мокрый снег. «Дворники» метались как сумасшедшие, размазывая по стеклу липкую массу из дождя и снега. Далеко по такой погоде не уедешь, как бы ни хотелось. Поэтому он ограничился тем, что принялся кружить по городу из одного конца в другой. Еще минут десять, не больше, и она придет в себя. Начнет стонать, попытается приподняться на сиденье, наверняка упадет. Потом снова повторит попытку. Увидит его и тут же разразится обвинительной речью. Все правильно. А что еще она могла подумать, очнувшись в его машине, после того как на нее напали в гараже? Дневной разговор опять-таки никак не мог служить ему алиби. Угрожал же? Угрожал. Но не потому, что и в самом деле желал ей зла, а потому что так было нужно...

– Ты?! – Ольга и в самом деле упала спиной на сиденье пару раз, безуспешно пытаясь приподняться. – Это ты, Попов?! Ты ударил меня по голове?!

– Оля, давай договоримся, – мягко начал Влад, сворачивая в тихий переулок и глуша мотор. – Ты забудешь эту фамилию. Попова больше нет. Он погиб в бурных водах уральской реки, дал бы бог памяти – вспомнил бы ее название. И в прямом и в переносном смысле погиб. Теперь я совершенно другой, и я – Любавский. Это фамилия моей супруги. Компрометировать ее я не должен и не имею, собственно, на это никакого права. Она очень хороший человек и много сделала для того, чтобы я стал тем, кем сейчас и являюсь. Уяснила?

Оля промолчала, сердито сопя. Усесться ей все же удалось с третьей попытки. Несколько минут ушло у нее на то, чтобы поправить на себе одежду. Потом шорох на заднем сиденье прекратился, но вопреки его ожиданию, Оля не спешила отвечать ему.

– Думаю, мы смогли бы с тобой договориться, если ты будешь умницей. Так как, Оля?

– Зачем по голове ударил, Влад? – плаксиво поинтересовалась Ольга, порадовав его обращением по имени. – Болит же все – и голова, и шея, и позвоночник. Такое ощущение...

– Об ощущениях я знаю не понаслышке, – ухмыльнулся он и полез в кармана за сигаретами. – Ты не против, если я закурю?

– Твоя машина, чего же спрашивать.

Она чем-то снова зашуршала, потом раздался звук открываемой «молнии», наверняка полезла в сумочку за пудреницей. Сейчас станет ловить свет уличных фонарей в крохот-

ном зеркальце, чтобы рассмотреть себя. Начнет тереть лицо носовым платком, он видел его в ее сумочке: белый с кружевной каймой. Такие у нее были всегда. Ничего не изменилось. Словно все было вчера...

– Я не трогал тебя, Оленька, – произнес Любавский после третьей глубокой затяжки.

– Ты о чем? – не сразу поняла она, оторвавшись на мгновение от созерцания своего лица в зеркальном отражении.

– Я не бил тебя по голове, вот о чем! Тебя ударили по шее ребром ладони! Но это был не я! – вспыхнул он, заметив в зеркале заднего вида, как она, достав тюбик губной помады, украдкой подкрашивает губы.

– Тогда кто? – Ее взгляд оторвался от пудреницы и встретился в зеркале с его глазами. Ольга тут же вспыхнула, поняв, что ее косметические манипуляции не остались тайными. – Тогда кто?! Твоя машина стояла рядом с моей. Это ведь твой черный джип?

– Мой.

– Вот! Когда я хотела сесть в машину, то услышала со стороны твоей машины какой-то звук. А потом...

– И тем не менее, как бы тебе ни хотелось признать меня виновным, это был не я. Парень достаточно высокий, не меньше метра восьмидесяти, думаю. В плечах не так чтобы широк, но достаточно крепкий. Темная кожаная куртка, прикрывающая бедра. Черная вязаная шапка. Он что-то искал в твоей сумочке, когда я его увидел, – пояснил Влад,

благоразумно опустив в своем рассказе то, что простоял все время, спрятавшись за колонной.

– Да? – кажется, она не очень удивилась, услышав о приметах парня. – И как думаешь, что ему было от меня нужно?

– Об этом уместнее было бы спросить у него, но он очень быстро смылся, – снова соврал ей Любавский, хотя врал ей почти с первой минуты, как вызвал к себе в кабинет. – Ты с кем-то встречаешься?

– Да нет... – неуверенно произнесла Ольга за его спиной, застегивая сумку. – Последнее время я одна.

– А до этого?

– А до этого тебя не касается, – без лишних эмоций пресекла она его любопытство. – Но смею тебя заверить, ни один из моих бывших знакомых не носил вязаных шапок.

– А их много?

Любавский задавал вопросы, которые ему задавать совсем не надо было. Меньше всего ему хотелось быть уличенным в какой-нибудь глупости: ревности, например. Не до того ему сейчас. Но выяснить-то он должен был!

– Слушай, Владик, – вкрадчивым голосом вдруг произнесла Ольга после паузы, так и не ответив на его вопрос о количестве знакомых ей мужчин.

– Ну что, Владик? – не выдержал он, так как Ольга снова надолго замолчала. – Слушаю тебя.

– А знаешь что... поехали-ка ко мне!

Вот так так!

Сказать, что ее предложение застало его врасплох, значило ничего не сказать. Такой прыти он от нее не ожидал. Видел же, как полыхал ее взгляд ненавистью и болью, когда они встретились в его кабинете. Знал, что за свою гадость по отношению к ней прощен не будет никогда. И тут такое... Может быть, это западня? Хотя какая, к черту, западня? Чтобы Ольга – и расставляла ловушки? Кто угодно, но только не она.

– А поехали, – неожиданно согласился он, заводя машину и старательно избегая смотреть назад даже через зеркало. – Одна живешь?

– Одна, не переживай. Мама купила себе дачу и перебралась туда пару лет назад. В город ее теперь не вытащишь. Живет активной жизнью. Какие-то кружки по интересам с местной детворой ведет. Все окрестности с ними обшарили в поисках предметов культовой старины. По местам боевой славы в походы ходят. Мы не так часто видимся.

Ольга говорила, забившись в угол салона так, чтобы он не смог видеть ее в зеркале. Хватит уже, и так поймал, когда она губы подкрашивала. Вот угораздило же! И при ком?! О том, что произошло в гараже, и почему она вдруг оказалась в его машине, она пока старалась не думать. Все это было наполнено таким зловещим смыслом, что мороз пробирал по коже даже в теплом нутре автомобиля.

– Моя «Ока» осталась в гараже? – поинтересовалась она, удовлетворившись ответным кивком, назвала свой адрес и

снова замолчала.

Говорить с ним сейчас ей было совершенно не о чем. Вот войдут в квартиру, тогда может быть...

Зачем она его пригласила? Мама бы не одобрила. Она до сих пор скептически поджимает губы, когда перебирает Олины документы и натывается там на свидетельство о смерти Попова Владислава Ивановича:

– Авантюристом был при жизни и смерть себе избрал такую же...

Это Ольга скорее угадывает, нежели слышит. Мама старается не делать ей больно и не пытается что-то проанализировать или понять, хотя во всех других случаях поступала именно так.

– Может, и к лучшему, что его больше нет с тобой, – тоже часто слышался Ольге мамин шепот за спиной.

Знала бы мама, что Ольга сейчас едет с этим самым авантюристом в одной машине и, более того, зазвала его к себе в гости, мигом бы потребовала валидола.

Огромный джип Любавского въехал во двор Олиной хрущевки. Прошуршал шинами по щебенке, которой засыпали многочисленные ямы на дороге, да так и не удосужились сверху залить асфальтом.

– Здесь куда?

Влад чуть повернул голову вправо, пытаясь уловить хоть какое-то движение с заднего сиденья. Ольга затихла и оставшуюся часть пути до своего дома не издала ни звука. Не ина-

че мучается сейчас от мысли, что поступила неправильно, пригласив его в гости. Вот монашка, а! Какой была, такой и осталась. Кому же она при всей своей праведности могла так насолить, что на нее нападают так неосторожно? Да, тема для размышления о-го-го какая...

– Крайний подъезд, – почти шепотом произнесла Ольга и, не дожидаясь, пока машина остановится, распахнула дверцы. – Пятый этаж первая дверь справа от лестницы.

– А номера нет, что ли? – удивился Любавский.

– Почему, есть. Только там всегда темно, не разглядишь. Поднимайся...

Ольга выскочила почти на ходу и сразу ринулась к подъезду. Пока Влад парковал машину, пока закрывал ее и входил в дом, ее уже и след простыл.

Света и в самом деле почти не было. Высоко под потолком между вторым и третьим этажом тускло светилась единственная лампочка. Идти ему пришлось почти на ощупь. В какой-то момент в голову полезли бредовые мысли о том, что она нарочно заманила его в этот темный бетонный мешок. Пригласила, преследуя какую-то недобрую цель. Наверняка же поклялась самой себе, что отомстит ему за подлость. Может быть, час пробил...

Любавский остановился на лестнице четвертого этажа, задрал голову вверх и какое-то время стоял, не шевелясь, настороженно прислушиваясь.

Дверь ее квартиры была распахнута настежь. В прихожей

горел свет. Ольга стояла на пороге и ждала его. Высокая, тоненькая и вся такая ранимая. Нет, кто угодно, но только не она. Ольга не способна. Пусть хоть тысячу раз самой себе поклялась отомстить, но ответить подлостью на его подлость не сумеет никогда. Для этого она слишком сильно любила его. Может, любит и до сих пор. Для чего-то же она его пригласила к себе. Не для того же, чтобы убить в собственной квартире...

– Мне просто страшно, Владик, – Ольга заморгала часто-часто, глядя куда-то поверх его плеча и отвечая на его незадаанный вопрос. – Нет никакой другой причины, кроме моего страха.

– Точно? – Любавский, который все еще продолжал топтаться на пороге, зашел в квартиру, захлопнул за собой дверь и, привалившись к ней спиной, огляделся. – Однокомнатная?

– Двушка. – Ольга села на крохотный стульчик под вешалкой и потянула с ног сапоги. – Ты проходи, не стесняйся. Не чужие мы с тобой все же. Чаем тебя напою. Поговорим немного. Я постараюсь прийти в себя, а потом ты уйдешь... если захочешь.

Во как! Это что же: незауалированное предложение провести вместе ночь или как?

Ей снова удалось его удивить. С каких это пор девочка стала столь прыткой? Помнится, раньше такого за ней не замечалось. Либо и вправду сильно напугана, что готова за-

быть все его прегрешения и откинуть край своего одеяла приглашающим жестом. Либо... либо это что-то еще, что напрямую связано с недавним нападением на нее. Только при чем тут он? Его-то дело сторона, ему лишних проблем совсем не нужно, своих хоть отбавляй. Из него и раньше рыцаря в блестящих доспехах не получилось, а теперь уже и ни к чему.

– Проходи, – пробормотала его бывшая жена, швырнув к его ногам пляжные тапки огромного размера. – Переобуться не забудь. Вчера вечером делала уборку.

Любавский нехотя влез в чужие тапки и пошел узким коридором в комнату.

Бывшую распашонку переделали, встроив крохотный тамбур и сделав комнаты изолированными. Спальня и совсем маленькая гостиная.

Цветной телевизор «Ролсон» на тумбочке, магнитофон «мыльница» под ним, допотопный видеоплеер. Пара кресел, укутанных шерстяными пледами, диван под таким же пледом. В углу у балкона компьютер и книжные полки. Это все, что смогло поместиться в ее гостиной. Спальня произвела на него не менее удручающее впечатление. Полутораспальная кровать под гобеленовым покрывалом с горкой подушек. Полированный шкаф для одежды. Письменный стол, наверное оставшийся еще с ее школьных времен. Такие же книжные полки, что и в гостиной, забитые старыми учебниками.

– Осмотрелся? – Ольга неслышно подошла и встала за его

спиной. – И как тебе?

– Ну... – Он равнодушно пожал плечами, хотя во все горло хотелось крикнуть: «Убого!» – Чисто у тебя, тепло и уютно.

– Ага. Именно так. Идем, чайник вскипел.

Она ушла так же неслышно. Еще какое-то время поглазев на ее большой портрет над кроватью, Любавский тяжело вздохнул и пошел на кухню.

Та же самая обстановка: два белых пластиковых навесных шкафа. Рабочий стол с эмалированной раковиной. Часы с маятником и кукушкой фирмы «Луч» на стене. Клетчатые занавески на окошке и стол в углу под такой же скатертью в клетку.

– А где же холодильник? – Любавский оглянулся. – Ты что же, без холодильника живешь?

– Не переживай. Он в кладовке. Пришлось поставить туда, в кухне совсем тесно. Присаживайся. – Ольга села за стол ближе к окну, оставив ему место у двери. – Чай ты пьешь по-прежнему без сахара? Или вкусы поменялись вместе с фамилией?

– Слушай, не язви, а! – Влад громыхнул деревянной табуреткой, устраиваясь напротив Ольги. – Чай я пью по-прежнему без сахара, Оленька. И даже про варенье не забыл. Хотя последнее мне варить некому и приходится покупать в магазинах всякие там джемы и конфитюры. Ничем не хуже, смею заметить. А это что такое?

На столе стояли три глубокие тарелки. Одна с сушками, которые он и в прошлой-то своей скудной жизни не очень жаловал, и Ольга об этом знала. Не иначе из вредности выставила. Во вторую, нарезав крупными ломтями, она выложила полбатона. А в третьей горкой высилось какое-то странное месиво неопределенного грязного цвета, дотронуться до которого он не решился бы ни за что.

– Это финики, дорогой, – Ольга ележно ему улыбнулась и, оторвав от общей массы небольшой кусок, отправила его в рот. – Помнишь еще о таких плодах? Нет? Или тоже чем-то научился это заменять, как и варенье?

Финиками они баловали себя лишь в дни стипендий и получек, когда учились. Кто-то из них – то ли Ольга, то ли он сам вычитал, что по своему энергетическому и витаминному составу финики приравнены к морепродуктам. Чушь, наверное, но недорогие тогда финики у них бывали частенько.

– О-хо-хо. Когда это было?

Любавский крутил в руках крохотный липкий комочек, изо всех сил заставляя себя отделаться от неприятного ощущения. Ему казалось, что он идет на поводу у чего-то такого, чему всячески должен противиться. Ничего же как будто не происходит. Они сидят друг против друга. Пьют чай, который, правда, по вкусу больше напоминает хорошо пропаренный веник. Почти ни о чем не разговаривают, если не брать в расчет нескольких язвительных замечаний, которыми они успели обменяться. Тогда откуда беспокойство?..

– Расскажи о себе, – вдруг попросил он, укладывая финик на край своего блюда. – Как жила эти годы?

– Ты все увидел – мое жилище, видишь меня. Среднестатистический житель России. Не скажу, что прозябаю за гранью нищеты, но... Так что мои слова о повышении жалованья не были лишены смысла, дорогой.

Вот опять! Опять его укололо! Такое ощущение, будто его очень умело подводят к капкану. Но чтобы Ольга?! Такого быть просто не может!

– О зарплате подумаю, но обещать ничего не могу. – Любавский недовольно поморщился, ослабил узел галстука, тут же принялся хлопать себя по карманам и, тоскливо обведя взглядом крохотную кухню, спросил: – Курить у тебя, конечно же, нельзя?

– Почему? Кури.

Ольга встала и, привстав на цыпочки, достала откуда-то со шкафа стародавнюю – как, впрочем, и все в этом доме – пепельницу. Тяжелая, глиняная, в форме ополовиненной тыквы, с глубокими округлыми прорезями под сигареты. Вид этой массивной пепельницы вдруг заставил Любавского занервничать. Зачем он здесь?! Такой же пепельницей убить запросто можно. Что, если ей взбредет в голову шарахнуть этой штуковиной ему по голове, вспомнив о возмездии?! Чушь собачья! Смерть на взлете называется. Нет, что-то все-таки идет не так. Как-то бесконтрольно, что ли. И Ольга, его понятная и милая Ольга, стала совсем другой. Новой и чу-

жой, пожалуй, непредсказуемой.

Любавский нервно затаился раз-другой. Поерзал на табуретке и для чего-то пододвинул к себе пепельницу, словно намеревался поставить ее себе на колени.

Ольга смотрела на него, занавесившегося дымом, и не могла понять, отчего он так нервничает. Боится, что она начнет к нему приставать? Так она не напрашивается. Насильно, как говорится, мил не будешь. Ей, конечно же, очень не хотелось оставаться в эту хмурую ноябрьскую ночь в одиночестве. Приглашая его к себе, она на что-то надеялась, но не настолько же она слаба духом, чтобы падать ему в ноги и умолять любить ее.

– Оля, ты это... – Еще пара глубоких затяжек, снова судорожное покручивание в руках пепельницы, опять затяжка, и лишь после этого Любавский поднял на нее взгляд, тот самый взгляд из их общего прошлого, который запросто мог делать с ней все, что угодно. – Оля... Ты все еще хочешь меня?

Он мог бы и не спрашивать. Кажется, Любавский даже не успел закончить свою фразу до конца, когда она выдохнула свое заранее заготовленное «да». И все сразу встало на свои места, сделавшись понятным и реальным. Исчезло гнетущее ощущение недосказанности. Нервозность, объяснение которой все никак не находилось, перестала волновать. Может, он из-за того и нервничал, что страшился ее отказа. Наверное, так оно и было.

– Иди ко мне, – проговорил он, глядя на нее исподлобья, тяжело и требовательно. – Иди ко мне, маленькая моя, и давай забудем обо всем.

Забыть не получилось ни у него, ни у нее. Все случилось как бы снова, совсем не так, как прежде. Торчащие углы старомодной мебели, скрипучий пол под ногами, мельтешащие тени на потолке от проезжающих по проспекту машин. Все это его раздражало. Запах порошка, исходящий от ее накрахмаленных простыней, тоже раздражал. Ее белье было все таким же простым и дешевым, что и прежде, это раздражало. И даже ее тело, которое он почти успел забыть и узнавал теперь заново, не помогло ему справиться с раздражением.

– Тебе что-то мешает? – спросила Ольга, вернувшись из ванной и склоняясь к нему.

Он не ответил, поймал в темноте прядь ее волос и слегка подергал. Другой рукой обхватил ее за голое плечо и с силой привлек к себе, тут же впиваясь в ее гладкую кожу губами. Может, сейчас что-то изменится. Может, уляжется это дикое недовольство самим собой.

Вот уж не думал, что ему будет так паршиво. Его смелая попытка не увенчалась успехом. Хотел вернуть себе что-то давно утраченное, но это оказалось не более чем эфемерным воспоминанием. Зачем?! Ненормальный, ей-богу! Мгновения ускользают, не суля повторения. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Он свою уже переплыл, второй попытки не будет. Что он пытался обрести, лаская Ольгу и слушая ее

сдавленные стоны, больше напоминающие всхлипы? Никто же ему не обещал, что все мгновенно вернется – и чувства, и ощущения...

– Дерьмо! – еле слышно прошептал он, сидя на краешке кровати спиной к ней.

Надеялся, что она не услышит. Услышала, провела кончиками пальцев по его выпирающему позвоночнику. А потом со вздохом спросила:

– Почему?

– Ты не подумай, Оль, ничего такого, это я про жизнь. – Он невольно передернулся, кожа под ее пальцами мгновенно покрылась мурашками.

– Я поняла. – Ее руки скользнули ему на живот, заключая в кольцо. – Наша жизнь это то, что мы о ней думаем, Владик. Печально, что ты так думаешь о своей. Ты вроде бы должен быть доволен всем, и тут вдруг... С чего бы это?

– Философствуешь, – хмыкнул он, размыкая ее руки и вставая с кровати. – Что она тебе дала, твоя философия? Твое понимание жизни? Твой гуманизм, альтруизм и прочая чепуха, которой ты меня столько лет пичкала? Что они тебе дали? Вот эту убогую хрущобу, заставленную дровами? У меня язык не поворачивается назвать это мебелью! Ты хочешь сказать, что ты здесь счастлива?!

– Допустим, – осторожно произнесла Ольга, про себя поражаясь той горечи, с которой он все это выплескивал из себя.

– И тебе ничего, ничего не хочется? – желчно поинтересовался Влад, уперев руки в голые бока.

– Ну... я бы так не сказала. – Кажется, она начинала понимать, куда он клонит. – Но это не самоцель, Владик.

– Да?! Не самоцель?! Что ты выламываешься тут передо мной, девочка?! Ты же ради прибавки к зарплате меня в кровать уложила. Тебе же противно было заниматься со мной любовью! Разве не так?! Скажи, только честно! Тебе было противно?!

Он стоял посреди ее спальни абсолютно голый, ничуть этого не смущаясь и не пытаясь прикрыться. Куда больше его бесило то, что он не прикрыт сейчас от нее в другом. Его снова прорвало, и она снова видит его таким, каким он бывал и прежде. Не прикрытым фальшью и исходящим желчью. Таким он мог себе позволить быть только лишь с ней одной. Никто и никогда не смог бы похвастаться, что с ним Влад предельно открыт и искренен. Никто, кроме Ольги. С ней он мог раскрепощаться, зная, что она все поймет и примет. Но то было тогда, а сейчас зачем?..

– Корчить из себя святошу ты всегда умела, разве не так?! Умела, умела, не смей отрицать! Все учила меня жить по совести! Говорила, что каждому воздастся... Тебе вот что, за все это воздалось, скажи?! Чем ты прогневала господу, что он отмерил тебе такого добра?

– Владислав Иванович, тебя заносит. – Ольга приподнялась на локтях и, прикрывшись одеялом, совершенно без-

злобно улыбнулась ему: – Смотри что с чем сравнивать, дорогой. Тебе это кажется убожеством. Кто-то сочтет за благо. В конце концов, о чем мы спорим? Ты живешь прекрасно. Я тоже живу не на вокзале. Занимаюсь любимым делом. У меня стабильный, пусть и небольшой, заработок. Да, на яхту мне не хватает. И на круиз дважды в год я не наскребу, но!..

Тут она намеренно сделала паузу. Владик очень внимательно, не перебивая, внимал каждому ее слову. Это могло означать одно из двух: либо его пробрало от ее проникновенных речей, что вряд ли, либо он готовит разгромное опровержение. Паузы он не нарушил, и Ольге пришлось продолжить свой нравоучительный монолог. Пользы, она знала, не будет. Ей и раньше приходилось это делать, поэтому была почти уверена, что слова ее разбиваются о глухую стену. Ее порой тошнило от того, что приходилось раз за разом повторять ему азбучные истины. И все для чего?! Да для того, чтобы он ее выслушал, высмеял и – поступил наоборот. То ли утверждался он подобным образом в собственной непогрешимости, отвергая каждый ее принцип. То ли потешался тем самым над людьми, подобными ей. Черт его знает, что он был за человек, ее бывший муж. Просто сплошное недоумение, а не человек...

– Но я живу спокойно, Владик, как ты не поймешь! – закончила Ольга после паузы. – Я живу в ладу с самой собой. И жизнь свою дерьмом не считаю, в отличие от тебя. О тебя, который носит костюмы по штуке баксов и ездит на тачке, на

которую мне за жизнь не скопить. И у которого одна запонка стоит моего месячного заработка. Вот скажи, чего тебе не хватает? Ты же к этому всегда стремился. Тебя же с души воротило от того быта, который мы с тобой имели. Что тебе сейчас не живется радостно и счастливо? Любимая женщина рядом. Скоро родится ребенок. Материально упакованы, дай бог каждому. Что тогда? Что тебя тревожит? А может, причина в том, что достигнув того, к чему стремился, ты не обрел искомого. Так определяться надо было с собственным представлением о счастье, дорогой.

– Ты определилась? – поинтересовался он глухим, непробиваемым голосом, который всегда мешал ей угадать, что он скажет в следующую минуту. – Ты определилась в своем представлении о счастье? Это... – Влад махнул руками вокруг себя, – и есть твое представление о счастье, или, может, хочешь чего-то еще, но ломаешь тут передо мной дурочку и играешь в праведницу? А по голове за что-то схлопотала в подземном гараже. За что? От кого? Опять же тапочки, что ты мне сунула, никак на праведный образ жизни не указывают. Где же он, твой избранник? Сбежал? Прогнала, поняв, что он не соответствует твоему представлению о счастье? А теперь он осерчал и подкарауливает тебя в укромных уголках и совершает нападения непонятно с какой целью.

Любавский замолчал, шумно вздохнул. Потом снова всплеснул руками почти по-бабьи, подошел к кровати, на которой полулежала Ольга, и рухнул на край, заставив старый

матрац противно взвизгнуть пружинами.

– Обиделась? – Он толкнул ее голым боком, свесил голову набок и попытался поймать в полумраке комнаты выражение ее лица. – На меня не нужно обижаться, Олька. Ни тебе на меня, ни мне на тебя.

– Почему? – Она выпростала руку из-под одеяла и погладила его по плечу. Кожа была сухой и горячей, хотя в комнате было достаточно прохладно, а Влад все еще разгуливал нагишом.

– Потому что мы с тобой, Олька, совесть друг друга! Во как! Я ведь не люблю тебя, как того требуется для жизни вдвоем. Уж что есть, то есть, прости великодушно. Потому и сбежал от тебя тогда.

– Ну, сбежал ты, допустим, не только от меня, – поправила она его, стараясь не обращать внимания на болезненный укол в сердце, вызванный его откровенностью. – Тебе на пятки наседали очень крутые парни, которые только еще учились быть крутыми. Но ты все равно испугался, потому что кинул их. На сколько, не помню?

– Смешно сказать! – воскликнул горестно Влад и вдруг не к месту по-хозяйски шлепнул ее по задку. – Из-за трех штук долларов такой переполох устроили! Разве же это деньги, Оль, чтобы ножом человеку угрожать?

– Они на эти деньги хотели начать строительство собственного торгового комплекса, а ты их кинул, – упрямо повторила Ольга, не желая потакать ему, как бывало и

прежде. – Ребята по крохам собирали деньги, одолжили тебе под проценты, а ты их кинул. До сих пор не могу понять, на что ты надеялся тогда? Думал, что ли, с неба деньги на тебя сыплются. Авантюрист ты, Владик. Авантюрист и еще мошенник. Очень взрывоопасная смесь.

– По-другому быть просто не может. Пододвинься, я прилягу. Замерз.

Искушение послать его ко всем чертям было слишком велико, но Ольга, как овца на заклании, послушно откинула край одеяла, впуская Влада. Пружины снова застонали под его большим тяжелым телом. Он лег на бок и тут же пододвинул ее к себе.

– Оль, – позвал он чуть слышно, целуя ее в ухо. – Скажи, а тебе хорошо сейчас со мной было?

Она не стала врать. Ей всегда с ним было хорошо. И она кивнула утвердительно.

– А мне как-то не так. – Он шумно задышал, с грубой силой лаская ее тело. – Думал, что будет как раньше, а что-то ушло. Что-то сломалось. Я же всегда хотел тебя, Оль. Пусть любви особой не было, но хотел-то всегда. А сейчас какой-то надлом в душе. Чертовщина какая-то... Как думаешь, что со мной? Может, я уже кончился как мужчина? Осталась одна техника, а чувственности ноль. Как думаешь, может, причина в этом?

Вот оно! Вот он, момент истины, ради которого она терпела его мерзкий цинизм весь вечер и большую часть ночи.

Попов Владислав Иванович останется самым собой даже через сто лет. Теперь нужно было действовать осторожненько, на полусогнутых, чтобы, не дай бог, не спугнуть. Не заставить его замкнуться в себе, прикрывшись каким-нибудь фальшивым смешком...

Ольга перевернулась на живот и, дурачась, укусила бывшего мужа за сосок. От неожиданности он вздрогнул и попытался увернуться. Но Ольга оказалась проворнее и снова куснула его.

– Вот видишь, а ты говоришь, что стал бесчувственным. Все рецепторы в порядке. Так что все твои опасения – это вымысел, дорогой. – Ольга поднялась повыше, приблизила свое лицо к его и, чуть касаясь губами его щеки, еле слышно произнесла: – Дело в чем-то другом. И ты это знаешь не хуже меня.

– Думаешь? – так же шепотом спросил Влад, обхватил ее за талию и одним рывком подмял под себя. – Теперь давай с тобой, как в том анекдоте: ты же у меня такая умница, подумай что-нибудь. А, идет?

– Постараюсь, – уклончиво пообещала Ольга, стараясь не обращать внимания на блуждание его рук и губ по своему телу. – Ну... ты, видимо, чем-то очень озабочен. Какие-то проблемы тебя гнетут. Отсюда твоя рассеянность, раздражение, желание докопаться до чего-то такого, чему ты и сам не можешь дать объяснения. Что скажешь?

Влад слушал ее очень внимательно. Он, впрочем, всегда

так слушал ее. Хотя иногда, на его взгляд, говорила много лишнего. Но зерна от плевел он мог отделить. И, не кривя душой, признавал, что частенько правильные речи Ольги направляли его. Пусть не всегда в том направлении, куда ей хотелось бы, но то, что какое-то воздействие имели, это бесспорно.

– Ну... возможно... – промурлыкал он ей куда-то в ключицу. – А дальше?

– Попробую, но я не всесильна. – Ольга вдруг глухо застонала. – Влад, ну что ты делаешь? Я же не могу одновременно предаваться размышлениям и заниматься с тобой любовью!

– Стоит попробовать, Оленька. Тебе не нужно ничего делать. Просто говори, а я все сделаю за тебя...

Ей было очень трудно оставаться безучастной и трезво мыслящей. Влад умел быть непредсказуемым и дьявольски умелым, это сбивало с толку и заставляло следовать за ним.

– Ну же, милая, что ты хотела мне еще сказать? – сдавленно шептал он ей в ухо, тесно прижимая к себе. – Не нужно так дышать, детка. Скажи, что ты думаешь обо мне? Что со мной происходит?

– Ты... О боже, Влад, не сходи с ума!.. – Ей казалось, что еще немного, и она уже тогда точно не сумеет ничего ему сказать, а заодно и узнать от него то, что собиралась узнать изначально. – О, нет! Это уже слишком...

– А так можно? – расхохотался он сатанинским смехом, вытворяя с ней черт знает что. – Вот так, девочка, так... Мо-

лодец... Ну, что ты обо всем этом думаешь? Скажи же наконец!

И вот тогда, балансируя на самой крайней отметке между окончательным провалом в бездну и явью, она закричала:

– Я думаю, что ты трахаешь меня сейчас и морально, и физически!!! Ты всегда меня так трахал, Попов!!! Ты просто по-другому не умеешь! Тебе что-то нужно от меня! Не мог ты не знать, что я нахожусь с тобой в одном здании двумя этажами ниже! Не мог!!! Но ты чего-то ждал! Чего?!

Он отпрянул от нее, как от прокаженной. Оставил скомканную на скомканных простынях и тут же, не говоря ни слова, принялся одеваться. В ее сторону он даже не поворачивал головы. Ольга специально включила ночник в изголовье, чтобы видеть его. Нет, даже не посмотрел ни разу. Почему? Не потому ли, что она попала в самую точку. Обидеться он не мог, потому что обидеть его в принципе было невозможно. Его можно было насторожить, испугать, разозлить, но никак не обидеть. Он как мартышка, отпрыгивающая от огня, отскакивал от всего, чего опасался и чего не понимал. Что-то похожее происходило и сейчас.

– Ты не уйдешь от меня, не объяснившись, – жестко потребовала Ольга и по его примеру встала голышом у двери, отсекая ему все пути к бегству. – Я должна знать, чем обязана твоему внезапному вторжению в свою жизнь. После стольких лет отсутствия... Должна быть очень объективная причина. Она есть? Я права?

Влад продолжал прятать глаза, излишне сосредоточенно расправляясь с запонками. Потом так же аккуратно вернул на место галстук. Надел пиджак, смахнул несуществующую пылинку с правого плеча. Поправил волосы, растрепавшиеся по плечам и лишь потом, все так же не поворачиваясь к ней, глухо произнес:

– Причина есть, Оль. Конечно же, есть, но сказать я тебе о ней не могу... пока.

– Проститутка ты, Попов! – поморщилась она болезненно – он снова ничуть не удивил ее, явив свою вероломную сущность.

– Оля! Я же просил не называть меня так! – Он резко повернулся наконец к ней, вскинулся было оскорбленно, но тут же передумал, не без восхищения присвистнув. – Скажи, пожалуйста, я почти сумел забыть, какая ты красавица. В темноте разве разглядишь. Шла бы ты замуж, Оль, что ли.

– Я уже сходила, но за предложение спасибо. – Ей сделалось неловко под его оценивающим взглядом.

Намерения Любавского могли в любой момент измениться. Вон он даже узел галстука ослабил, заметно повеселел и сделал пару шагов к ней. Ну, совершенно пустой человек, что тут скажешь! Попытаться проскользнуть мимо него к шкафу или к кровати возможности не было никакой. Влад ситуации не упустит, и все начнется снова. Повторения Ольга не хотела, это уж точно.

За дверью на гвоздике висел старенький халат матери. Вы-

цветший, ситцевый, с отпоровшимся до середины карманом. Все никак не доходили руки выбросить его. То окна в нем мыла, то уборку делала. Потом бросала в стирку, намереваясь пустить на тряпки, но всякий раз отглаживала, и снова вешала за дверь. Надевать его сейчас значило нарываться на очередной язвительный выпад. Снова пройдет по ее представлениям об истинном счастье. Но и не надевать было нельзя. Глаза у Владика полуприкрылись веками, а это верный знак.

Ольга сдернула с гвоздя халат, с трудом попадая в рукава под его пристальным взглядом, надела. И, не успев завязать на талии пояс, услышала:

– Ну, вот! А что я говорил? Вот оно твое благополучие, все как на ладони! В этом дурацком старом халате! Тьфу ты, просто все настроение испортила.

Обогнув ее так, словно боялся замараться, Любавский прошествовал в прихожую, нарочито громко шлепая тапками. Там он демонстративно бережно пристроил их под вешалкой. Обулся, натянул пальто и, взяв в руку барсетку, поманил Ольгу пальцем к себе.

– Что еще? – Она и не думала двинуться с места, подперев стену прихожей плечом.

– Я должен чмокнуть тебя в лобик, дорогая, перед уходом, – заявил он с самодовольной ухмылкой, видимо, вид Ольги в затрапезном халате приводил его в неопишуемый восторг.

– Обойдусь и без поцелуя. И вообще, тебе давно пора, а то как бы жена не кинулась на поиски. – По тому, как нервно заходил его кадык, стиснутый тесным воротом сорочки, Ольга поняла, что упоминание о жене принесло ей победное очко. – Счастливо тебе, Владик Любавский. Я ничего не перепутала? И... и привет супруге.

Он хотел что-то сказать ей в ответ. Что-то не менее язвительное, но потом передумал. Махнул рукой, промычал что-то нечленораздельное, скорчив при этом гримасу, могущую означать что угодно, и ушел, забыв попрощаться.

Ольга быстро выключила свет во всей квартире и прильнула к окну в гостиной. Три томительных минуты она ждала, пока Влад выйдет из подъезда. Потом, не отводя взгляда, наблюдала за тем, как он очень осторожно, боясь запачкать ботинки и кромку брюк, пробирается к машине. Он даже штанины поддернул, боясь вымазаться в грязи. Скажите, какая аккуратность! Это был заметный прогресс. Раньше такого за ним не замечалось.

Машина моргнула фарами, впуская хозяина в теплое дорогое нутро, приятно пахнущее автомобильной косметикой, тоже наверняка не дешевой. В этом Ольга плохо разбиралась и утверждать наверняка не могла. Менее чем через минуту двор опустел.

Ольга слезла с подоконника, одернула тюль, занавесила штору и включила свет. Какое-то время ходила по своей маленькой гостиной, прижав стиснутые в кулак пальцы к губам

и напряженно размышляя. Потом, так ни до чего и не додумавшись, уселась в свое продавленное кресло и, подтянув за шнур старенький телефонный аппарат, набрала знакомый номер.

Долго никто не отвечал, что было и неудивительно, шел третий час ночи. Потом зуммер в трубке оборвался, что-то надсадно заскрипело, засвистело, и заспанный голос ее подруги недовольно произнес:

– Алло?!

– Ксюша, привет, – Ольга виновато шмыгнула носом. – Спишь, что ли?

– Нормально! – отреагировала Ксения, как, собственно, и должна была отреагировать. – Нет, Оль, носки вяжу, а что?!

– Ладно, не злись. Тут такое дело... – Оля вдруг испугалась и замолчала.

Говорить или нет?! Говорить или нет?! До сегодняшнего дня она никому, даже матери, не рассказывала о том, что догадывается, что смерть Попова Владислава Ивановича сфальсифицирована им же самим. А сейчас вот собиралась. А вдруг не нужно? Вдруг она ошибется, выболтав чужую тайну. Пусть часть этой тайны принадлежит и ей тоже, но... но все же стоит ли ее обнародовать?

– Ольга! – гаркнула ей в самое ухо подруга. – Что случилось?! Говори, не просто же так ты мне позвонила в двадцать минут третьего?! Что?!

– Ничего, – закусив губу, пробормотала Ольга, вдруг по-

чувствовав неимоверное облегчение от того, что не произнесла вслух признания. – Просто мне плохо сейчас. Я сидела, сидела, таращилась в компьютер и вот решила тебе позвонить. Прости, если что...

– Ладно, проехали, – недовольно буркнула подруга и шумно зевнула. – За это завтра отведешь Мишку в сад, мне нужно на работу пораньше.

– Без проблем. – Ольга обрадовалась, что разговор съехал с опасной темы.

Минут пять они обсуждали, во что нужно одеть Михаила на случай дождя, возможных заморозков и солнечного утра, потом попрощались. И Ольга положила трубку.

Уставившись невидящим взглядом в стену напротив кресла, в котором сидела, сжавшись в комочек, она еще какое-то время прокручивала в уме события дня минувшего. Отсортировав все происшествия, она разбила их на три категории.

Первые две были из разряда обычных и необычных недоразумений. Обычные включали в себя два вызова на ковер к руководству. К необычным она отнесла то, что руководством неожиданно оказался ее почивший супруг. И еще факт внезапно возникшего интереса к происходящему ее соседки по кабинету Веры. Ей-то что с того, что Ольгу все утро дергало начальство! Однако же нервничала и расспрашивала чересчур пристрастно. Любопытство – оно, конечно, понятно, но не до такой же степени.

Но то были всего лишь недоразумения, к которым за

жизнь свою она успела попривыкнуть и научилась относиться к ним с философской терпимостью. Раз так распорядилась судьба, то и нечего пытаться что-то изменить, все равно не получится.

А вот третья категория, к которой она отнесла происшествие в подземном гараже, не могла ее не насторожить.

Зачем нужно было Владу бить ее по голове или по шее, как он сам же потом и проговорился? Для чего надо было обыскивать ее сумочку? Оля без его комментариев поняла это сразу по тому, в каком беспорядке находились там ее вещи. Что, спрашивается, искал? Деньги все целы, да он бы и не польстился на ее гроши. Что-то плел ей про какого-то парня, который никак не смог бы попасть в их гараж, не нарвавшись на бдительную охрану. Причем приметы указал просто смешные. Подумать было над чем...

На кухне раздался упреждающий скрежет, и через мгновение старая кукушка трижды крякнула простуженным от долгих лет службы голосом. Судя по всему, времени на размышления у нее на сегодня не осталось. Утренние подъемы ей и так давались нелегко, а завтрашний обещал быть еще тяжелее. Ксюша просила отвести Михаила в садик, а это ни много ни мало, а час в запасе иметь нужно.

Оля вылезла из кресла, потянулась со стоном и зябко передернулась. Когда только отопление собираются в дома подавать, утром сил просто нет выбираться из-под одеяла. Ольга уже и окна заклеила, пытаясь сохранить хоть какое-то теп-

ло в квартире, но спасало это мало. Ее угловой пятый этаж прекрасно продувался ветрами всех направлений. Спасти могли только горячие батареи, а проблемы на линии обернулись почти месячной задержкой. Она на всякий случай потрогала холодную гармошку радиатора и, в который раз удивившись в том, что тепла так и нет, побрела в спальню.

Надо постараться выспаться. Прямо с ходу упасть в кровать, укутаться в одеяло и, зарывшись лицом в подушку, забиться спасительным сном. Ни к чему беречь себе душу и таращить глаза в темноту, пытаюсь воссоздать на простыне рядом с собой знакомый силуэт. Нет там ничего. Ничего нет, остались одни воспоминания, радоваться которым она тоже не могла.

Не бил он ее, как же! Так она ему и поверила! Позерство сплошное. Выход героя-любовника на авансцену. Вот как это называется. И думать тут больше не о чем. Просто так предложить ее подвезти он ни за что бы не смог. А вдруг она посмеет отказать, это же какой удар по самолюбию! Как же с этим жить-то ему потом! А вот обставить все это дело с таким трагизмом это как раз в его стиле. Эффектное исчезновение и не менее эффектное возвращение.

– Ох, Попов, когда ты только станешь нормальным человеком... – прошептала Оля со всхлипом и закрыла наполнившиеся слезами глаза.

Нельзя плакать. Плакать ни в коем случае нельзя. Утром глаза будут покрасневшими, веки набрякшими, и никакой

косметикой положения не исправить. А вдруг завтра с утра он снова возжелает ее лицезреть. Каким удовлетворением наполнится его подлая душонка, когда поймет, что она проплакала остаток ночи после его ухода. Нет, доставлять удовольствие этому мерзавцу она не станет. Она просто уснет, досчитав до сотни или до тысячи, а может, и до десяти тысяч, но, досчитав, уснет непременно. И думать о нем не будет больше никогда, чтобы он ни пытался предпринять.

Глава 4

– Что она сказала? – сильно округлившийся живот Лизы сместился немного влево, давая ему возможность протиснуться в узкую дверь ванной.

– Да ничего особенного. – Влад пустил теплую воду в раковину, оперся о ее край и, подняв взгляд, посмотрел на себя в зеркало. Широко открыв рот, он высунул язык, затем снова его спрятал и, несколько раз повторив эту манипуляцию, проговорил с отвращением: – Ну и рожа! Просто протокольная, скажу тебе, Лизок, рожа! А ты чего это не спишь, Лизок? Нехорошо. Тебе режим нужен, покой и все такое...

– Заткнись, лучше. И давай рассказывай. – Ее живот, обтянутый ярко-розовым трикотажем пижамы, сместился теперь в другую сторону, и в зеркальном отражении, куда он взирал с напряженным вниманием, появилось недовольное, заспанное лицо его супруги. – Итак, что скажешь? Как она?

– А никак! – И он рассмеялся совершеннейше глупым пустым смехом, заведомо зная, как Лиза ненавидит этот его дурацкий квакающий смех.

– Что никак?! Как никак?! Я что, из тебя по слову буду выуживать, идиот?! – Любавская сделала резкий выпад в его сторону и припечатала подошвой тапка ему по заду. – Что никак?! Она даже не удивилась, увидев тебя живым и здоровым?

– Нет. Почти нет. Удивилась моей новой фамилии, имиджу, положению, может быть. Она же не могла себе представить, что их новый генеральный – это я. А в том, что я жив... Нет, пожалуй, что несколько. Я же говорил тебе, что она догадывалась, что я не погиб. Догадалась, правда, уже потом, после того, как имела на руках свидетельство о моей смерти. – Влад вдруг нагнулся и сунул голову под мощную струю воды, разметав вокруг себя целый ореол брызг.

Лиза терпеть не могла подобных его водных процедур. Как многого не терпела в нем самом. Но обстоятельства, которые иногда оказывались сильнее ее, заставляли стискивать зубы и молчать... временами. Сейчас был не тот самый случай, и Лиза разразилась длинной руладой крепких словечек, отпрянув от плескающегося в раковине супруга.

Ограничившись этим, она хлопнула дверью в ванную и ушла. Ничего, он еще свое получит сполна. Сейчас ей не до того, чтобы пускать в ход кулаки. Еще, чего доброго, может получить отпор, а рисковать она не имеет права. Она теперь не одна...

Лиза была очень умной женщиной и понимала, что это своеобразная акция протеста с его стороны. Своего рода маленькая месть ничтожного человечка, который временами забывал, где его место. Ничего, пусть сейчас он злится, пусть даже бесится, оттого что снова пришлось идти у нее на поводу. Но это пройдет. Он сумеет переломить себя и смириться с неизбежностью. Так было всегда, так и будет впредь.

Может быть, в чем-то Лиза и перегибала палку, например, в том, что заставила Влада работать в этом долбанном отделе культуры при местной мэрии. Чего-чего, а работать тот не любил, хотя и мог. Возможно, можно было обойтись и без этого внедрения, но... катастрофически не хватало времени. Его просто напросто ни на что уже не осталось. Оно поджигало, отсекая все возможные отсрочки. Поэтому ему и приходилось день за днем таскаться на службу и всячески изображать деловитость. Хотя истинная цель его деятельности заключалась совсем в другом.

Ольга.... Брошенная им когда-то Ольга, сохранившая свою странную фамилию Шустикова, стала для них теперь вожденной и труднодостижимой мечтой.

– Знал бы, что так будет, не спешил бы умирать, – пробормотал он несколько месяцев назад, совершенно обезумев от потока информации, свалившейся на них в одночасье. – Что же нам теперь с тобой делать, Лизок?!

– Не нам, а тебе, милый, – проговорила ласково Лиза и, поймав его за кончик галстука, притянула к себе поближе.

Тогда она еще не была столь безобразно толстой и могла позволить себе всякие вольности типа бешеного секса на кухонном столе или на подоконнике. Влад экстрим любил, за что, может, любил и ее тоже. В тот день он хрипел, задыхался и все пытался спросить сквозь долгие протяжные стоны, в чем же именно заключается его роль. Лиза не позволила ему этого сделать. Она измотала его, оставила без сил с судорож-

но открытым ртом, хватающим воздух, и остановившимся взглядом. Мог ли он хоть что-то соображать в тот момент, отвечая ей «да»?..

Лиза ушла в столовую. Села на широкую, обитую бархатом скамейку и, прислонившись ноющей поясницей к мягкой спинке, потянулась к вазе с фруктами. Ей почему-то в последнее время постоянно хотелось есть. Все равно что, будь то бутерброд с толстым ломтем осетрины или пучок зеленого лука с черным хлебом, она жевала и жевала, совершенно забыв о проблемах лишнего веса.

– Вы очень интенсивно поправляетесь! – воскликнул тот глупый доктор, к которому позавчера ее возил Влад. – Так же нельзя! Вы превратитесь в тумбу после родов! Что скажет ваш муж?! Вы перестанете казаться ему сексуальной, следите за собой, уважаемая.

Тебе-то какое дело?! Мне на все плевать! На все, понял?! И вообще, пошел ты к черту! Сам на кого похож, урод!..

У нее просто язык чесался высказаться. Просто выплюнуть, что хотелось, в его физиономию со всей его похрустывающей при ходьбе крахмальной одежкой. Шарахнуть пинком по сверкающему подносу со сверкающими страшными железками, которыми он манипулировал внутри ее целых пять минут. И уйти, звонко хохоча при этом. Она сдержалась, хотя на ладони и остались следы от впившихся в кожу ногтей.

Влад ждал ее в коридоре. Он сразу понял, что произо-

шло что-то неладное там, за красивой пластиковой дверью. Что-то нехорошее, что заставило его Лизу разнервничаться и придирааться к нему по мелочам весь остаток дня. Но расспрашивать он не решился. Да она, может, и не рассказала бы ему, хотя друг от друга у них почти никогда не было секретов. Он не спросил, а она не рассказала. Но на другой день, дождавшись, когда супруг уедет на службу, Лиза скинула с себя всю одежду и очень долго и очень пристально рассматривала себя в зеркале.

Она и в самом деле стала безобразной. Ноги превратились в столбы. Бедра и грудь сплошь в растяжках. Целлюлит не замедлил явить себя, изрубцевав ее кожу противными пористыми складками. Лицо пострадало ничуть не меньше. Губы и нос припухли, глаза, лишившись приятного живого блеска, сделались мутными. Как она со всем этим будет жить потом?!

Лиза расплакалась.

С отвращением отвернувшись от зеркала, она ушла в свою спальню, упала лицом в подушку и проплакала до вечера, проклиная тот день и час, когда решилась стать матерью. Самое ужасное заключалось в том, что ей некого было обвинить в собственном уродстве. Это целиком и полностью было ее решение. Влад детей не любил. Всякий раз, когда она об этом заговаривала, он морщил нос, небрежно встряхивал кистями рук, словно пытался сбросить с них еще не обретенную тяжесть. Потом, правда, ему пришлось смириться и принять

ее беременность как факт свершившийся. Но Лиза-то знала, что ситуация с ребенком была снова ею ему навязана, как очень-очень многое в их альянсе...

Влад вышел из ванной минут через десять. Лиза успела к тому времени съесть два банана, абрикос и огромный ломоть бородинского хлеба, нашлапав на него кусками масло и сыр. И куда только это все в нее влезает...

Быстро проглотив остатки бутерброда, она уставилась на мужа, который, повернувшись к ней спиной, исследовал сейчас содержимое кастрюль на газовой плите.

– Суп остыл. Убрать в холодильник? – спросил он, не поворачиваясь.

– Убери. – Лиза сверлила взглядом его спину, обтянутую темным махровым халатом, и подозрения, которые она всячески гнала от себя, черным осклизлым гадом поползли ей прямо в сердце. – Ты спал с ней?!

Вопрос настиг Влада уже у холодильника. Он только-только приоткрыл дверь двухметрового «Евролюкса» и придерживал сейчас ее ногой, намереваясь сунуть на полку кастрюлю с гороховым супом, как она задала свой дурацкий, по его мнению, вопрос.

Он не ответил. Двинул коленом дверцу холодильника. С грохотом обрушил кастрюлю на пластиковую полку. Недовольно перебирая губами, захлопнул холодильник и снова вернулся к газовой плите. К ней он так и не повернулся. Широкие плечи под халатом напряглись. Левая нога принялась

подпрыгивать в такт постукивающим по кромке газовой плиты пальцам.

Любил он барабанить пальцами – все равно по чему, любил. Ему было все равно, где молотить морзянку, будь то подоконник, стол или ее колено. Про колено он, правда, в последнее время почти забыл, укладываясь спать в соседней спальне.

– Ты с ней спал?! – снова повторила Лиза вопрос, отодвигаясь от спинки скамейки и налегая на стол отяжелевшей грудью. – Сволочь, ублюдок, скотина!!! Признавайся, ты с ней спал?!

Взгляд Лизы мгновенно охватил его всего от голых, розовых после ванны пяток до взъерошенных влажных волос на макушке. Он не просто намочил голову, он принял ванну! Он потому и принял ванну, что переспал со своей бывшей женой. С этой блеклой ханжой, которая ничего не смогла добиться в этой своей никчемной постной жизни, кроме как строчить сценарии детских праздников и водить хороводы с кучей сопливых детишек на их дурацких утренниках.

– Сволочь! – сипло выдохнула Лиза, дотянувшись онемевшей враз рукой до вазы с фруктами и запустила в его широкую спину апельсином. – Ненавижу тебя!

Апельсин угодил Владу аккуратно между лопаток. Удар не был сильным, в другое время он бы никак на это не прореагировал, дурашливо начав браниться. Но то было прежде. Сейчас оставлять без внимания ее злобный выпад он был не

намерен.

Он поворачивался к ней нарочито медленно. Влад любил нагнетать обстановку, умело сопровождая такие вот драматические моменты искрометными взглядами, негодующим свистящим шепотом или просто недоуменным всплескиванием рук. Прибегал он к этому в крайних случаях. Только тогда, когда был абсолютно и стопроцентно уверен в собственной правоте или всепрощении. Сейчас был как раз тот самый случай, и Влад решил разыграть его по полной программе.

Медленно повернувшись к ней и сунув руки, мгновенно сжавшиеся в кулаки, в карманы халата, он так же размеренно подошел к столу, за которым она сидела. Не меняя внушительной позы, пододвинул ногой стул и сел на него, прямой, как жердь.

– Что ты сказала только что, дорогая, я не понял? – скулы нервно заходили под гладкой холеной кожей щек. – Я ослышался или ты мне предъявила какие-то обвинения? Не повторишь ли?

В такие моменты он даже начинал ей нравиться. Черт побери! И в самом деле значимая фигура, хоть и ясно, что выпендривается.

Сейчас Владик неторопливо выпростает кулаки из карманов халата. Уложит руки на стол, при этом комично дернет шей, словно поправит сбившийся с холки хомут. Затем трехминутное разглядывание маникюра. Вот ведь стервец,

ни о чем таком не забывает, а у нее вторую неделю ногти омерзительные. И под занавес те же самые вопросы, можно в другой последовательности, с непременным сопровождением тяжелейшего из тяжелых взглядов, которым он собирался ее испепелить. Все это уже было, и ей порядком наскучило. Может, и не наскучило бы, и даже возбудило, не носи она в своем обезображенном брюхе его наследника. Сейчас Лизе Любавской было не до сценических экзерсисов подобного рода. Ее душила ненависть к этому нахлебнику, которого она зачем-то тащит на своей шее который год и с которым все никак не находит сил расстаться, а вот еще и родить надумала.

– Ты спал с ней? – без особого энтузиазма спросила Лиза, поймала его за кисть руки и больно сжала, вонзив в нее ногти.

Влад дернулся и болезненно поморщился. Физической боли он не терпел, моральная ему была неведома. Попытавшись вырвать у жены руку, он лишь сильнее расцарапал кожу.

– Что ты делаешь, идиотка?! – неожиданно озверевшим голосом завопил он, что абсолютно не вязалось с его привычной манерой скучающего альфонса. – Что ты себе позволяешь вообще, я не пойму?! Спал ли я с ней? Конечно, переспал! Причем мы трижды занимались любовью, трижды!!! Что еще тебе хочется узнать? Хороша ли она в постели?

– Думаю, что не очень, – вдруг совершенно спокойным

голосом произнесла Лиза и даже ухмыльнулась давно забытой улыбкой: шkodливо-вызывающей.

Раньше это действовало на него безотказно. Стоило ей вот так дернуть губами, как Влад мгновенно начинал расстегивать штаны. Но то было раньше. То было тогда, когда ее талию он легко обхватывал руками и захлебывался от восторга, когда она упиралась в его грудь отвердевшими от желания сосками. Сейчас это не сработало. Владик по-прежнему болезненно морщился и силился выдернуть свою руку из ее цепких когтей. Она не отпускала.

– Слушай, хватит уже! – заорал он и, применив силу, освободился от нее, тут же отодвинулся вместе со стулом подальше от стола и от нее. – Психопатка! Что ты хочешь от меня, Лиза?! Ольга была твоей затеей, не моей. Не так ли?

– Так, – не могла не согласиться Лиза, с ненавистью глядя на упругие завитки волос на его груди, нахально вылезающие в вырез халата. – Но я не просила тебя ее трахать.

– Да?! – Влад недоуменно заморгал, глядя на Лизу так, словно видел ее впервые. – Во-он как! А за каким хреном ты тогда втиснула меня в это дурацкое директорское кресло?! Тебе сколько это стоило?! Страшно даже представить, какие бабки ты отвалила за то, чтобы я там оказался! И назначения ждал. Сколько прогинался и унижался. За каким чертом, ответь?!

– Так было нужно.

– Кому?! Мне? Ольке? Ей по фигу, кто я, поняла! – Он

вдруг вскочил на ноги так стремительно, что зацепился полой халата за спинку стула, повалив его на пол. Но не сделав попытки поднять его, принялся скакать по кухне, драматично заламывая руки и громко выкрикивая: – Ты хреновый сценарист, Лизка! Это полная жопа, а не сценарий!!!

Она была с ним не согласна, потому что до сих пор пребывала в уверенности, что сценарий ее был безукоризненным.

Целью их последней, как они решили для себя, операции была Ольга. Та самая Ольга, от которой он сбежал, чуть не свихнувшись от ее нравственности и целомудрия.

Все, что от него требовалось до сего времени, это вести за ней наблюдение, не давая при этом усомниться коллективу в своей функциональной пригодности. Второе у него получалось великолепно. Когда того требовали обстоятельства, Влад мог быть виртуозно изворотливым. Но вот наблюдение давалось ему с трудом. Постоянные дерганья на ковер к вышестоящему руководству, корпоративные посиделки и прочие профессиональные обязательства забирали у него массу времени. Он психовал, капризничал, грозился бросить все к чертовой матери. Время шло, а к Ольге он не приблизился ни на шаг.

– Почему мне просто не встретить ее у подъезда ее дома и не поговорить? – возмущался он всякий раз.

– Потому что все должно быть естественно! Без тени сомнения, что все это подстроено. Вся наша затея разыгрывается по схеме: начальник – подчиненная. Так и только так

мы сумеем загнать ее в угол. А когда она там окажется, то сделает все. Не только подпишет нужные нам бумаги, она их нам на блюдечке с голубой каемочкой принесет и еще умолять станет, чтобы мы все это из ее рук приняли. Ну, не мы, конечно, а ты...

Ситуация была очень щекотливой и тонкой, но игра стоила свеч, и они рискнули... в который раз.

Лиза почему-то изначально была уверена, что, играя на чувствах Ольги, они никогда ничего не добьются. Та начнет ломаться, вспоминать все прошлые обиды и в лучшем случае пошлет его к черту. О худшем думать не хотелось. Потому и был ею придуман этот умопомрачительный план.

Он руководитель, властвующий и повелевающий. Она подчиненная, хрупкая и безвольная, цепляющаяся за свою работу, потому что больше ничего не имеет и не умеет.

Дальше должно было последовать что?.. Ах, да, совсем запуталась в этой хреновине.

Он должен был вызвать ее к себе в кабинет, что сегодня и случилось. Об этом он успел сообщить Лизе по телефону. При этом обставить дело так, что вопрос о ее назначении на другую, более высокооплачиваемую должность все сочли бы вопросом решенным. Потом ему следовало поручить этой бледной поганке какое-нибудь ответственное задание, заведомо обреченное на провал. Да не просто провал, а с угрозой приговора по какой-нибудь статье Уголовного кодекса. И тогда, загнанная в угол, трепещущая от страха перед раз-

облачением, Ольга делает все, что они ей диктуют. Выбора у бедняги просто-напросто не оставалось.

Всего и делов-то!!! Все грамотно, профессионально, и, самое главное, ничего личного, и ничего преступного. Все добровольно, пусть немного и принудительно.

Так нет же, этому козлу зачем-то потребовалось все испоганить. Все, чем она жила последние месяцы и чем лечила свои расшатавшиеся нервы.

– Ты хоть понимаешь, что, возможно, швырнул все кобелю под хвост? – наливаясь злобой, прошипела Лиза, снова нацеливаясь на вазу с фруктами. На этот раз ей приглянулся хвостатый ананас. Они оба не любили ананасов, ни она, ни Влад, но всегда клали в вазу для букета. Сейчас он мог ей пригодиться...

– Почему ты так думаешь? – У него даже хватило сил нагло разулыбаться ей в лицо, что снова удивило ее своей новизной и необычностью поведения, даже сумело насторожить. – Что помешает мне ее повесить в должности, а потом подставить, а, Лизок? Секс? Считай его легкой импровизацией. Подумаешь, трахнул свою бывшую жену! Проблема! Мне же нужно было к ней присматриваться, сама же велела. Время уходило, а присмотреться так и не удавалось. Вот случай и представился. К тому же, думаю, что все будет не так просто, как ты думаешь. Она... Она бедна как церковная мышь, Лизок.

– И что с того?

– А то! Думаешь, она за здорово живешь захочет расстаться с тем, что мы хотим у нее забрать?!

– Я так не думаю, придурок! – Лиза презрительно фыркнула, неловко поддерживая живот, выбралась из-за стола и пошла в свою спальню, на ходу приговаривая: – Она не расстанется с этим за здорово живешь, никто так и не думал. Я, во всяком случае, так никогда не думала. Она сделает это во имя спасения своей собственной шкуры, понял?! Она сама должна прибежать к тебе, нет, не прибежать, приползти. И умолять, умолять...

Когда она вот так начинала говорить, Влад ей всегда верил. Было ли в ней что-то от дьявола или от бога, разбираться ему было недосуг. Но в девяносто девяти случаях из ста его Лиза оказывалась права. Ни один ее план не закончился провалом, хотя каждый из них поначалу казался ему чистой воды дешевой авантюрой. Как это он ей сказал десять минут назад: это не сценарий, а полная жопа? Да, так, кажется. Так прямо и сказал, потому что так он говорил ей почти всегда. В канун всех их грандиозных операций Влад отчаянно нервничал, бесился, иногда даже без видимой на то причины. Но потом все шло именно так, как предсказывала Лиза. И чем невероятнее бывал ее план, тем оглушительнее оказывался успех.

– Ни один мент, мой милый глупый Владик, до такого не додумается. Ни один! – хохотала его Лиза, запрокидывая красивую голову. – Он запутается на втором пункте и сочтет,

что все это вымысел сумасшедшего. Поверь мне на слово, я знаю, что говорю!..

Она всегда знала и всегда могла предугадать ответный ход или проделать брешь огромных размеров в оборонительной линии противника. Ее бы ум да во благо! Но, видимо, богам было так угодно, что Любавская Лиза стала великим махинатором только что зародившегося тысячелетия. Во всяком случае, Влад ее считал именно таковой. До недавнего времени... До того самого момента, как она решила оставить ребенка. Он просил, умолял, грозил, ничего не помогло. Тогда он смирился и стал ждать... окончания их счастливой любовно-авантюрной истории. Вот-вот, сейчас, еще пара месяцев или, может быть, лет, и все рухнет. Весь их сокрушительный и безнаказанный успех сойдет на нет. А вместе с ним и все блага и средства, которыми они успели обрасти за эти годы.

Влад с брезгливой гримасой смотрел на удаляющуюся спину своей беременной жены и мысленно чертыхнулся. Ну вот кто просил ее?! Кто заставлял превращать себя в кенгуру?! Обрюзгла, растолстела, от бывшего шарма и красоты не осталось и следа. И это за какие-то четыре-пять месяцев. С ума можно сойти от одного ее внешнего вида, а что уж говорить о претензиях! Она же извела его своими глупостями! То не так он смотрит на нее, то не так смотрит на проходящих мимо женщин, то спать должен ложиться непременно в ее спальне и в ее постели. А он не может с ней спать!!! Не

может, черт бы все это побрал!

Лиза на мгновение задержалась у двери, ведущей в ее спальню. Повернула голову и вопросительно вскинула брови. Это могло означать только одно: ты идешь? Он не пошел! Он не мог ничего с собой поделывать, как бы ни старался. И дело тут было даже не в Лизе и не в Ольге, из чьей кровати он так стремительно выскочил час назад. Секс был, да, но не такой оглушительный, как ему того хотелось бы. Все прошло как-то так обыденно, будто и не он исчез несколько лет назад из ее жизни, а кто-то другой. А он – вот он, всегда был и есть рядом. И сегодня привез ее – Ольгу – в своей машине со службы. И они пили чай на ее кухне с ненавистными ему сушками. А потом валялись в ее кровати и говорили обо всем и ни о чем. Ему хотелось взрыва, фейерверка чувств, судорог в сплетенных пальцах, а получил он всего лишь прозаичную постельную сцену уставших за много общих лет друг от друга супругов. В чем дело?..

Этот вопрос занимал Влада всю дорогу, пока он месил дорожную грязь широкими протекторами джипа, добираясь до своего дома.

Он устал от жизни? Нет, это вряд ли. Жизнь он любил. Причем не какую-нибудь, а красивую жизнь. С непременно свежееотжатым соком в высоком тонкостенном стакане по утрам. С парной телятиной и беконом вместо дешевых сосисок и пельменей из пачек. С обязательными выездами в свет, где мужчины щеголяют во фраках, а женщины спят

глаза бриллиантами. Нет, от жизни он не устал, это точно. Тогда что с ним происходит? Что засело занозой в сердце в тот самый момент, когда он мял пальцами засахарившийся от времени финик, сидя на шаткой табуретке в Ольгиной кухне? О чем-то он подумал тогда? О чем-то важном. Мысль о том, что Ольга его использует в каких-то своих скрытых интересах, посещала его в тот момент, но быстро отпустила. И была, точно, была какая-то еще, так же быстро ускользнувшая, но много важнее той, предыдущей. Что же это было?! Она, только она не давала ему покоя потом, сбивая со сладостного ритма в постели, и мешала, и злила...

Влад все так же стоял посреди кухни, когда дверь в спальню Лизы с грохотом отлетела в сторону, ударившись о стену. Его жена, к тому времени уже успевшая переодеться в широченную ночную сорочку с водопадом кружев на ее огромной груди и по подолу, медленно, как привидение, двинулась в его сторону. Взгляд у нее при этом был безумный, а рот перекошен в дикой злобе. Это была именно злоба, а не физическая боль, о чем он поначалу, стухнув, подумал. Рожать ей было еще рано. Лиза была именно в ярости.

– Только попробуй, сука!!! – свистящим шепотом проговорила она, не доходя до него и останавливаясь в полуметре от того места, где Влад продолжал вгрызаться в свои мысли, пытаясь найти единственно важную и нужную. – Только попробуй, сука, кинуть меня!!! Я же вижу по твоей роже... Я сразу догадалась: что-то тут не так... Тебе не было нужды

трахать свою анемичную Ольку! Никакой нужды не было! А ты взял и переспал с ней... И что теперь?

– Что? – с интересом переспросил Влад, глядя прямо в ее перекошенный от бешенства рот. Глядишь, его умная же-нушка и сумеет разобраться в истинной причине его необъяснимого беспокойства и все расставит по своим местам.

– Ты теперь решил, что можешь соскочить, да?! – Лиза вдруг ринулась прямо на него, с силой вцепилась в его волосы и принялась трепать его, брызжа слюной прямо в лицо: – Я теперь тебе не нужна буду, так?! Так, мразь, отвечай?! Ты что-то ведь задумал! Я не могу ошибиться! Я никогда не ошибаюсь! Никогда!!!

Он мог бы возразить, сказав ей, что всегда что-то случается впервые. И на старуху бывает проруха или что-то подобное из той же серии. Но Влад потрясенно молчал, безропотно позволяя ей таскать себя за волосы.

Нет, Лизка все же шедевр генетики, а не человек! Надо же, как она... Ведь с лета уловила, все переосмыслила и тут же все поняла. Он сам про себя ничего не понял, а она мгновенно. Пусть не совсем так, но времени с того момента, как она скрылась за дверью своей спальни, прошло всего ничего, минут десять.

– Ты ведь не посмеешь, так?!

Она вдруг обессиленно уронила руки вдоль туловища, потом обняла себя и поежилась, словно ее бил озноб. На Влада она больше не смотрела. Не потому, что не хотела больше

его видеть, а потому, что боялась уловить в его лживых глазах подтверждение собственным подозрениям.

Ему бы следовало, конечно, обнять ее. Прижать к себе или хотя бы накрыть ее вздрагивающие плечи чем-нибудь, но он не решился. Будет только хуже. Она ни за что не поверит в его заботу и внимание.

Влад еще какое-то время с жалостью глядел на жену, во всяком случае, старался, чтобы его взгляд выражал именно жалость, а не что-нибудь еще, ликование, например. Потом перевел взгляд на свои пальцы, они заметно подрагивали. Поднял руки к своей голове и осторожно коснулся своей шевелюры. Кажется, не пострадала, хотя кожа головы горела, будто на нее плеснули горячим маслом. Истеричка! Истеричка и психопатка! Однако умна... Слов нет, умна...

Он стоит и ломает голову, а у нее уже ответ готов.

Как это она сказала: соскочить?! Именно соскочить, Лизок! Именно! На кой ляд ты теперь нужна?! Надобность в тебе отпала в тот самый момент, когда он понял, что будущее за Ольгой. Милой, умненькой и чистенькой. Чистенькой во всем. От мыслей до заношенного халата с отпоровшимся карманом.

Зачем ему теперь Лиза?! Генератор идей, твою мать! Ну, пусть генератор, пусть, но все должно когда-нибудь закончиться. Их отношения не исключение. Они закончились давно, в тот день, когда она заявила, что хочет оставить ребенка. С того момента и до дня, вернее, ночи сегодняшней он все

мучился, все метался в поисках истины. А она, оказывается, на поверхности. Она так проста – формула его истины. Ему не нужна Лиза с ее преступным мировоззрением, с массой диких идей в голове, трезвой холодностью в сердце и нежеланным ребенком в брюхе.

Ему нужна Ольга! Интеллигентная, образованная, привлекательная и без пяти минут... миллионерша. Пусть только кто-нибудь посмеет сказать ему, что все дело как раз в этих самых ее миллионах, пусть только попробует. Это не так! И он только сегодня, кажется, созрел для того, чтобы это понять и утвердиться в этой мысли окончательно. В тот самый момент, когда разминал в пальцах тот злополучный финик. Когда смотрел невидящим взглядом на злочастные сушки и отхлебывал пахнущий полынью чай. Ее тонкие изящные пальцы, которые даже в жару оставались холодными, порхали над столом и все сбивали его с толку. Потом ее пальцы нежно гладили его кожу и снова сбивали с толку. Ни нежности ее, ни заботы не хватило на то, чтобы он прозрел. А вот Лизкина необузданная ярость мгновенно привела его в чувство.

Ольга и только Ольга! Как это она сказала так умно?.. Дескать, достигнув того, к чему стремился, он не обрел того, чего желал?! Именно!!! Именно, умненькая ты моя, чистенькая Оленька! Желал он совсем не того, к чему стремился. Совсем не того! Но теперь все, все будет по-другому. Теперь у него снова есть Ольга. А уж она-то вмиг разберется, к чему

и какими путями ему надо стремиться. А Лизка пусть идет к черту!!! Три ха-ха!!! Пусть плодится и размножается. Того состояния, что они успели сколотить, на десять его отпрысков хватит. Пусть пользуется, он не жадный. Ему хватит того, что преподнесет ему его Оленька в качестве приданого. А она преподнесет, Любавский был в этом уверен.

Существовала, правда, одна проблема, которая могла стать небольшой заминкой на пути к их общему совместно-му счастью, которое он не сумел оценить несколько лет назад. Тот парень в подземном гараже... Он мог стать проблемой, но... ведь не его же проблемой, а Олькиной. А она со всем разберется. Ну, а уж когда разберется, тогда и его время придет. Он терпеливый, он подождет...

Глава 5

Дом, где жила Ольгина подруга Ксюша, стоял в окружении старых-престарых лип, которые в ветреные дни переплетались обезображенными временем ветвями и надсадно скрипели вековыми стволами, упакованными в изъеденную насекомыми кору, словно в проржавевшие латы.

Ксюша липы эти не любила. Солнца в ее окна не пропускали. В ненастье стучали артрозными сучьями по окнам, норовя разбить хрупкое стекло. И пусть сегодняшним утром ничто это самое ненастье не предвещало, Ксюша тем не менее взирала на деревья с неудовольствием.

– Насажал дурак какой-то, – буркнула она, поздоровавшись с Ольгой и хмуро оглядывая липовые насаждения. – Сырость от них одна. Теперь вот листву сгребай из-под окон.

Листвы под окнами уже не было. Грянули морозы, которые в один миг сдирали с деревьев их тревожно перешептывающееся убранство. Листья давно сгребли, но Ксюша все равно брюзжала. Так сказать, напоследок...

– Привет, Леля, – солидно поприветствовал Ольгу Михаил и тут же сунул ей в руку свою лодочкой сложенную ладошку. – Ты не на машине? Опять сломалась? Идем пешком, пошуршим...

Оставив замечание «не на машине» без комментариев, тем более что Ксюша не обратила на это никакого внимания,

Ольга тяжело вздохнула. Пошуршать на Мишкином языке значило идти пешком, а не ехать на автобусе, останавливаться у каждой кучи листьев, сметенной с тротуаров дворниками, с разбегу впрыгивать в самую серединку куч и отчаянно болтать там ногами, заставляя листья вспыхивать потускневшим золотом и шуршать прибойной волной. А это... а это, как правило, грозило ей опозданием.

– Ты чего это сама его вывела? – спросила Ольга у недовольной подруги, успев улыбнуться и согласно кивнуть Михаилу, который задрал подбородок в ожидании ее ответа. – Что-то случилось?

Ксюша снова недовольно покосилась на деревья, словно они и только они были виноваты в ее утреннем плохом настроении. Потом шмыгнула точеным носиком и мгновенно севшим голосом произнесла:

– Чего я там забыла, дома? Мы встали пораньше с Михаилом, позавтракали, оделись – и на улицу, тебя дожидаться. Зачем нам слушать чужой храп, да, сынок? Чужой храп, в этой гребаной квартире...

Ольга мысленно ахнула и от дальнейших расспросов воздержалась. Спрашивать нужды не было. Все и так ясно: среди ночи явился муж и отец. Явился после почти полуторамесячного отсутствия. В карманах его при этом должен был гулять ветер. Состояние гардероба должно было оцениваться как плачевное. А уровень амбиций и претензий к жизни, Ксюше и народной власти непомерно высоким.

Именно поэтому Ксюша выскочила на улицу с сыном задолго до ее появления. Стояла, переминаясь латанными сапогами в луже у подъезда, и хмуро оценивала состояние всех своих дел на сегодня. Сапоги ее наверняка к этому времени успели промокнуть, ноги озябнуть, а сердце заледенеть в предчувствии «веселого» семейного ужина.

– Как всегда? – с сочувствием спросила Ольга и погладила Ксюшину яркую куртку в районе плеча.

– Нет, ты знаешь, – ошарашила та ее неожиданным заявлением: – Трезв, культурен, симпатичен. В совершенно новом прикиде. Хотя, может, и не новый, но мне так спросонья показалось. Явился ближе к пяти утра. С гостинцами, которыми завалил весь кухонный стол. И с непомерным желанием утвердить себя в потерянной роли любящего мужа и отца... У-у, сволочь! Ненавижу!

Маленький Мишка вскинул на мать недоуменный взгляд. Тут же понял, что она не шутит и не разделяет его восторгов по поводу папиных подарков. Насупленно свел крохотные светлые бровки домиком и, подхватив с земли обломившийся липовый прутик, принялся с ожесточением ворочать им в самом сердце грязной лужи.

– Мишка, перестань сейчас же, обрызгаешься! – раздраженно воскликнула Ксюша и сильно дернула сына за руку, пытаясь оттащить от лужи. – Такой же упрямый, стервец, как и папаша! Пошли, что ли, Оль, провожу вас немного, время еще есть...

Стиснув озябшие ладошки Михаила в своих руках, подружки медленно пошли со двора. Какое-то время они шли молча, вслушиваясь лишь в звуки проснувшегося города.

Повизгивали сигнализации на автомобильных стоянках. Хлопали двери подъездов. С нарастающим гулом трогались автобусы с остановки. Дворники с громким улюлюканьем гоняли от мусорных бачков стаи собак. К соседней булочной подкатила хлебовозка, тут же загремев и залязгав открывающимися дверями и выпуская на волю аромат горячего, только что вынырнувшего из печи хлеба. Все, как всегда. За исключением одного... Муж Ксюши не должен был вернуться трезвым и уж тем более с подарками и претензиями.

– Что произошло, как думаешь? – спросила Ольга, раз и два покосившись на подругу и так и не дождавшись от нее никаких объяснений. – Может, он того... за ум взялся?

– Ага! Взялся! За что-нибудь, может, и взялся. Только ума там отродясь не было, поэтому за него он взяться не мог ни при каком раскладе, Оль. – Ксюша прошла чуть дальше автобусной остановки, минуя утреннюю толпу, переминавшуюся в ожидании городского транспорта. Остановилась с подветренной стороны, подняла воротник куртки, зябко дернула плечами и пробормотала отрешенно: – Ненавижу эту слякоть... Ты знаешь, я сначала опешила, увидев его таким. Подумала, может, у него кто-нибудь появился. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

Ольга лишь молча кивнула и тут же сморщила носик. В

голове как-то не укладывалось, что кто-то мог клонуть на Ксюшиного Лешку. Полтора месяца назад, перед тем как исчезнуть из квартиры вместе с Ксюшиной зарплатой и Мишкиным детским пособием, он производил впечатление особи, переступившей финальную черту человеческой деградации. И тут вдруг такие метаморфозы...

– Потом я поняла, что что-то не так, – продолжила Ксюша после паузы, все глубже зарываясь в болоньевый шуршащий воротник. – Он бы не стал тогда ко мне приставать прямо с порога, а тут прямо с маниакальной настойчивостью... Мне пришлось ему даже по физиономии съездить, чтобы отстал.

– А он?! – Ольга испуганно заморгала. Трогать Лешку было нельзя. Трогать его было смерти подобно. Он не прощал даже косого Ксюшиного взгляда, не то что рукоприкладства.

– А он ничего, представляешь!!! – зашипела Ксюша, округлив и без того большущие глаза. – Улыбнулся. Щеку потер и говорит: я тебя понимаю, дорогая...

– Дорогая??? Так прямо и сказал???

Можно было бы шлепнуться сейчас в лужу, Ольга и шлепнулась бы непременно, настолько велико было ее изумление. Но памятуя о том, что далее ей надлежало быть на работе, где никакая неопрятность в одежде не проходила незамеченной, на ногах она устояла.

– Ксюш, он же таких слов не знает! – таким же зловещим шепотом, что и подруга, прошипела Ольга, стиснув Мишкину ладошку с такой силой, что он захныкал. – Прости, ма-

лыш, я не рассчитала... Дорогая! Ксюша, здесь точно что-то не так. Слушай, а может, это не он?!

– Ага! Клон Лехин ко мне явился под утро, чтобы прожить со мной долго и счастливо и сдохнуть потом в один день! – фыркнула Ксюша и, углядев вынырнувший из-за поворота двадцатый номер автобуса, засуетилась. – Ладно, Оль, я это... Наверное, у тебя сегодня переночую. Не хочу я домой. Страшно мне с ним встречаться на одной территории. Ночь была просто кошмарной! Сначала твой звонок меня разбудил, потом этот клонированный идиот явился. Как отработую, не знаю!..

Ксюша мазнула губами по Мишкиной щеке, потом приложилась к Ольгиной. И тут же побежала, застучав стоптанными почти вдрызг набойками сапог, к остановке. Повиснув на нижней ступеньке автобуса, она поспешно обернулась и крикнула в их сторону:

– Мишку я заберу. Заскочим домой за вещами, а потом к тебе, но я позвоню предварительно. Пока!

Ксюша уехала в свою поликлинику, где пятый год работала медицинской сестрой, не считая полутора лет, которые просидела дома с маленьким Мишкой.

– Мама сердится, – неожиданно заявил сын ее подруги и поднял на Ольгу совсем не по-детски опечаленные глаза. – А папа не пьяный, почему мама сердится?

Потому что мама боится любых перемен в твоём папе, дорогой, хотела было сказать Ольга, но передумала. Он был

еще слишком мал, чтобы что-то понять. Они и сами ничего не поняли, а куда уж ему.

– Идем, а то Лариска с Валеркой снова выпьют твой кисель, – улыбнулась ему Ольга умильной улыбкой, малыша своей подруги она обожала. – Идем.

Какое-то время они шли молча. Ольга внимательно следила за тем, чтобы Мишка не черпнул воды в ставшие ему короткими сапожки. Сам же он о чем-то напряженно размышлял. Не иначе ищет кучу листьев, решила Ольга, оглядываясь по сторонам. Как назло, ни одной не попадалось.

– Ты чего это пригорюнился, малыш? – не выдержав, она присела перед ним на корточки и с удовольствием потрепала пухлые щечки. – Пошуршать мы с тобой еще успеем. Смотри сколько листьев еще на дорожках. Скоро их все сгребут, мы соберемся и пойдем с тобой в парк и вот там...

Мишкины кристально чистые глаза кристально чистого бирюзового оттенка вдруг наполнились слезами. Пухлые губы задрожали и поползли куда-то вбок. Он выхватил из рук Ольги свои ладошки и с силой прижал их к лицу.

– Папа принес конфетков, колбасы и пряников, – жалобно пискнул он из-под ладошек и вполне отчетливо всхлипнул. – А мама сердится! Почему, Леля?! Папа меня целовал и говорил, что все будет хорошо, а мама сердится! Она его гонит, а я не хочу! Я хочу с папой! Он теперь хороший!

Ольга готова была разреветься вместе с ним. Упасть теперь уже на колени прямо в мокрые осклизлые листья, ме-

стами устилающие тротуар, и реветь беспомощными бесполезными слезами.

Детское горе было много острее и сильнее взрослого. Его было не объять и не вымерить. Оно больно жалило в самое сердце и заставляло ощущать себя безжалостным и грубым.

Как??? Как объяснить ему, что его мама не сердится. Мама просто очень боится. Боится любых перемен в его папе, который ни разу за совместно прожитые годы не потрудился сделать свою семью счастливой. Какие нужно знать слова и как суметь сложить их в предложения, чтобы объяснить плачущему малышу эту дикую правду.

Ольга проглотила горький спазм, сдавивший ей горло. Погладила Мишку по пушистой шапке, надвинутой на самые глаза, и тихо попросила:

– Ты не плачь, Мишуня. Я... мы все тебя так сильно любим, что...

И тут Мишка отмочил такое, что Ольга все же тукнулась об асфальт правой коленкой. Тукнулась и тут же почувствовала, как неприятной влагой пропитались ее колготки. Но на это она почти не обратила внимания. Даже недовольная гримаса ее начальника Евгения Евгеньевича, могущего заметить беспорядок в ее одежде, не занимала ее в данный момент. Куда серьезнее сейчас оказалась прямая угроза их общему существованию, прозвучавшая в словах малыша.

– Что ты сказал, что тебе показал папа?! – прошептала она

помертвевшими от страха губами.

– Пистолет! – с гордостью произнес Мишка, и слезы его вмиг растворились в кристально чистой бирюзе его глаз, словно у него имелся какой-то сообщающийся сосуд, способный очень быстро осушать его горе. – У папки есть настоящий пистолет!!! Он теперь сильный, и он нас спасет!

– От кого? – Ольге казалось, что она постепенно начинает сходить с ума. – От кого спасет? Он тебе так и сказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.